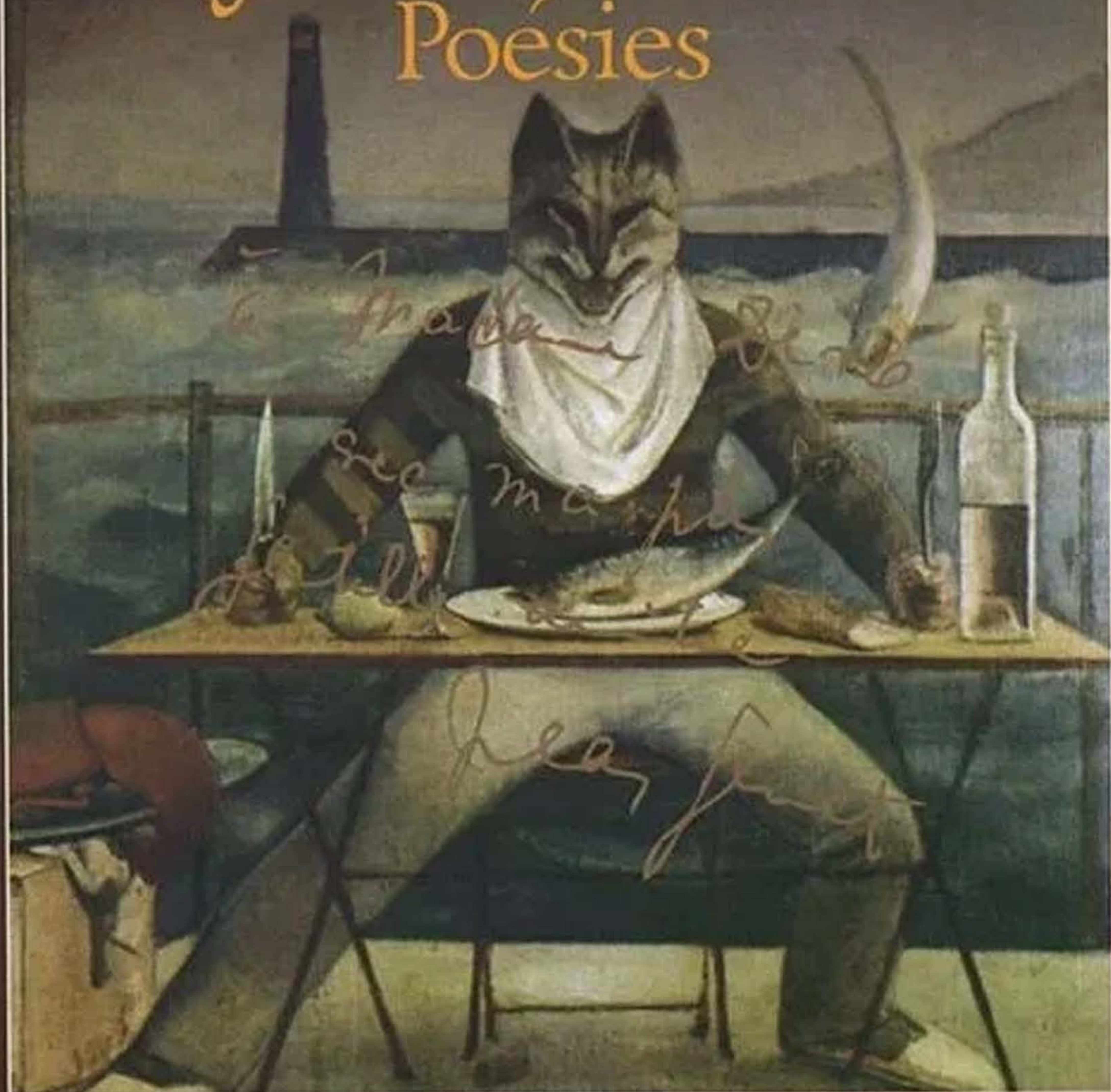

Жан Жене
Стихотворения
Jean Genet
Poésies

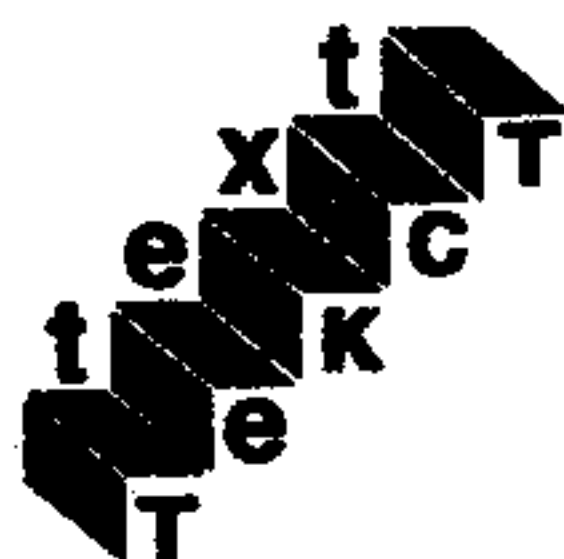
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕКСТ»

Programme

A Pouchkine

**Издание осуществлено в рамках
Программ содействия издательскому делу
при поддержке Французского института**

***Cet ouvrage a bénéficié du soutien
des Programmes d'aide à la publication
de l'Institut français***

Jean Genet

POÉSIES

Gallimard

Жан Жене
СТИХОТВОРЕНИЯ

*Перевод с французского и послесловие
Аллы Смирновой*

Москва «Текст» 2014

TABLE DES MATIÈRES

8	LE CONDAMNÉ À MORT
36	MARCHE FUNÈBRE
62	LA GALÈRE
86	LA PARADE
104	UN CHANT D'AMOUR
116	LE PÊCHEUR DU SUQUET
142	POÈMES RETROUVÉS

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТНИК	9
ТРАУРНЫЙ МАРШ	37
ГАЛЕРА	63
ПАРАД	87
ПЕСНЬ ЛЮБВИ	105
РЫБАК ИЗ СЮКЕ	117
НАЙДЕННЫЕ СТИХИ	143
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Канатоходец	163
<i>Алла Смирнова.</i>	
«Ночь вора в горсти стихотворенья...»	182

LE CONDAMNÉ À MORT

СМЕРТНИК

À MAURICE PILORGE
assassin de vingt ans

Le vent qui roule un cœur sur le pavé des cours,
Un ange qui sanglote accroché dans un arbre,
La colonne d'azur qu'entortille le marbre
Font ouvrir dans ma nuit des portes de secours.

Un pauvre oiseau qui meurt et le goût de la cendre,
Le souvenir d'un œil endormi sur le mur,
Et ce poing douloureux qui menace l'azur
Font au creux de ma main ton visage descendre.

Ce visage plus dur et plus léger qu'un masque
Est plus lourd à ma main qu'aux doigts du receleur
Le joyau qu'il empoche ; il est noyé de pleurs.
Il est sombre et féroce, un bouquet vert le casque.

*МОРИСУ ПИЛОРЖУ,
двадцатилетнему убийце*

Как шар сухой травы по плитам мостовой,
По пыльному двору катает сердце ветер.
И мрамор оплела лазурь, как будто ветка,
В ночи открылась дверь — мой дом, спаситель мой.

И привкус табака, и мертвый соловей,
Испуганный зрачок, искривленные губы,
И сжавшийся кулак грозил небесной глыбе,
И вот твое лицо лежит в руке моей.

Мне кажется, оно картонной легче маски
И тяжелее, чем в руках ростовщика
Ворованный бриллиант. В слезах твоя щека,
И ветка надо лбом, словно плюмаж на каске.

Ton visage est sévère : il est d'un pâtre grec.
Il reste frémissant au creux de mes mains closes.
Ta bouche est d'une morte où tes yeux sont des roses,
Et ton nez d'un archange est peut-être le bec.

Le gel étincelant d'une pudeur méchante
Qui poudrait tes cheveux de clairs astres d'acier,
Qui couronnait ton front d'épines du rosier
Quel haut-mal l'a fondu si ton visage chante ?

Dis-moi quel malheur fou fait éclater ton œil
D'un désespoir si haut que la douleur farouche,
Affolée, en personne, orne ta ronde bouche
Malgré tes pleurs glacés, d'un sourire de deuil ?

Ne chante pas ce soir les « Costauds de la Lune ».
Gamin d'or sois plutôt princesse d'une tour
Rêvant mélancolique à notre pauvre amour ;
Ou sois le mousse blond qui veille à la grand'hune.

Il descend vers le soir pour chanter sur le pont
Parmi les matelots à genoux et nu-tête
«L'Ave Maris Stella». Chaque matin tient prête
Sa verge qui bondit dans sa main de fripon.

Et c'est pour t'emmancher, beau mousse d'aventure,
Qu'ils bandent sous leur froc les matelots musclés.
Mon Amour, mon Amour, voleras-tu les clés
Qui m'ouvriront le ciel où tremble la mâtüre

Ты — греческий пастух. Суровые черты
Трепещут в глубине твоих ладоней жадных.
Твой нос — как птичий клюв с мазками крови ржавой,
Твой рот — могильный холм, твои глаза — цветы.

Зловещей чистоты алмазная игра.
Кто волосы твои запорошил звездами,
Кто увенчал твой лоб терновыми шипами,
Каких эпилепсий ты мученик и раб?

Скажи, что за беда твой взгляд заволокла
Отчаяньем таким, что выше не бывало,
И боль скривила рот, как вдовье покрывало,
Накинутое на лицо и зеркала.

Не надо нынче петь о лунном короле,
Стань, мальчик золотой, принцессою прекрасной,
Мечтающей в ночи о поцелуе страстном.
Нет, лучше юнгой стань на быстром корабле.

На мостик корабля ты вечером взойдешь
И тихо запоешь *Ave Maria stella*,
Под взглядом матросни пленительное тело
Заставит трепетать пронзительная дрожь.

Войти в тебя... гляди, как жезл поднялся.
На палубе гурьбой стоят матросы ваши,
Держа кулак в штанах и голову задравши,
Любуясь, как вонзен рангоут в небеса.

D'où tu sèmes, royal, les blancs enchantements,
Qui neigeât sur mon page, en ma prison muette :
L'épouvante, les morts dans les fleurs de violette,
La mort avec ses coqs ! Ses fantômes d'amants !

Sur ses pieds de velours passe un garde qui rôde.
Repose en mes yeux creux le souvenir de toi.
Il se peut qu'on s'évade en passant par le toit.
On dit que la Guyane est une terre chaude.

Ô la douceur du bain impossible et lointain !
Ô le ciel de la Belle, ô la mer et les palmes,
Les matins transparents, les soirs fous, les nuits calmes,
Ô les cheveux tondus et les Peaux-de-Satin.

Rêvons ensemble, Amour, à quelque dur amant
Grand comme l'Univers mais le corps taché d'ombres.
Il nous bouclera nus dans ces auberges sombres,
Entre ses cuisses d'or, sur son ventre fumant,

Un mac éblouissant taillé dans un archange
Bandant sur les bouquets d'oeillets et de jasmins
Que porteront tremblant tes lumineuses mains
Sur son auguste flanc que ton baiser dérange.

Tristesse dans ma bouche ! Amertume gonflant
Gonflant mon pauvre cœur ! Mes amours parfumées
Adieu vont s'en aller ! Adieu couilles aimées !
Ô sur ma voix coupée adieu chibre insolent !

Откуда ты метешь, о королевский отпрыск,
Снег на листы страниц в твоей немой тюрьме?
Нет, ты не человек, ты торжество, ты отблеск,
Петух, поющий смерть! Фантом, живущий вне!

На войлочных ногах охранник, как гиена,
Подкрадется в ночи, нам преграждая путь.
А где-то, говорят, есть жаркая Гвиана.
Будь проклята она. Благословенна будь.

О нежность кандалов, ласкающих до дрожи!
О небо над тюрьмой, о милость палачей,
Прозрачность ранних утр, безумие ночей,
Обритая башка, тепло атласной кожи.

Давай мечтать о нем, плечах его литых,
Огромном, словно мир, жестоком и неверном.
Он обнаженных нас замкнет в своих тавернах
На жарком животе меж бедер золотых.

Пленительный самец, как статуя, сложенный,
Чье семя окропит гвоздику и левкой,
Вот он твою ладонь берет своей рукой
И на бедро кладет, и ждет, замороженный.

Вкус грусти на губах! И терпкая печаль,
Растущая во мне, бессильная, как ярость!
Прощайте навсегда, возлюбленные ядра!
Мой дерзкий, мой хмельной, мой злой, и ты — прощай.

Gamin, ne chantez pas, posez votre air d'apache !
Soyez la jeune fille au pur cou radieux,
Ou si tu n'as de peur l'enfant mélodieux
Mort en moi bien avant que me tranche la hache.

Enfant d'honneur si beau couronné de lilas !
Penche-toi sur mon lit, laisse ma queue qui monte
Frapper ta joue dorée. Ecoute, il te raconte,
Ton amant l'assassin sa geste en mille éclats.

Il chante qu'il avait ton corps et ton visage,
Ton cœur que n'ouvriront jamais les éperons
D'un cavalier massif. Avoir tes genoux ronds !
Ton cou frais, ta main douce, ô même avoir ton âge !

Voler voler ton ciel éclaboussé de sang
Et faire un seul chef-d'œuvre avec les morts cueillies
Çà et là dans les prés, les haies, morts éblouies
De préparer sa mort, son ciel adolescent...

Les matins solennels, le rhum, la cigarette...
Les ombres du tabac, du bain et des marins
Visitent ma cellule où me roule et m'étreint
Le spectre d'un tueur à la lourde braguette.

La chanson qui traverse un monde ténébreux
C'est le cri d'un marlou porté par ta musique,
C'est le chant d'un pendu raidi comme une trique.
C'est l'appel enchanté d'un voleur amoureux.

Не надо, мальчик, петь. Оставьте свой задор,
Ты в деву превратись, послушайся, не мешкай,
Или ребенком стань, давно во мне умершим,
Меня еще тогда не разрубил топор.

Прекрасное дитя, вот мы с тобой вдвоем,
Склонись мне на постель, возьми его губами,
Впусти в себя, и он горячими толчками
Тебе расскажет о возлюбленном твоём.

Вот он поет о том, что больше никогда
Наездник молодой тебя не одолеет.
О мне б твоё лицо, и круглые колени,
И шею нежную, о мне б твои года!

Украсть твою лазурь в зловещих пятнах крови,
Как воинство на смотр, я б смерти все собрал
И собственную смерть, как статую, ваял,
Чтоб это был шедевр на пьедестале-троне.

Торжественный рассвет, ром, сигаретный дым,
Табачный ореол, тюремщики шеренгой
Царят в моей тюрьме. Здесь царствует один
Тот арестант-фантом с набухшею ширинкой.

Мелодия живет на сумрачной земле,
Как сутенера крик, протяжный, потрясенный,
Как каторжника вой, отчаянно-влюбленный,
Как висельника рев, взлетевшего в петле.

Un dormeur de seize ans appelle des bouées
Que nul marin ne lance au dormeur affolé.
Un enfant reste droit, contre le mur collé.
Un autre dort bouclé dans ses jambes nouées.

Toi quand tu seras prêt, en arme pour le crime,
Masqué de cruauté, casqué de cheveux blonds,
Sur la cadence folle et brève des violons
Égorge une rentière en amour pour ta frime.

Apparaîtra sur terre un chevalier de fer
Impassible et cruel, visible malgré l'heure
Dans le geste imprécis d'une vieille qui pleure.
Ne tremble pas surtout devant son regard clair.

Rocher de granit noir sur le tapis de laine,
Une main sur sa hanche, écoute-le marcher.
Marche vers le soleil de son corps sans péché,
Et t'allonge tranquille au bord de sa fontaine.

Chaque fête du sang délègue un beau garçon
Pour soutenir l'enfant dans sa première épreuve.
Apaise ta frayeur et ton angoisse neuve.
Suce mon membre dur comme on suce un glaçon.

Mordille tendrement le paf qui bat ta joue,
Baise ma queue enflée, enfonce dans ton cou
Le paquet de ma bite avalé d'un seul coup.
Étrangle-toi d'amour, dégorge, et fais ta moue !

Так спят в шестнадцать лет и молятся во сне
Спасительной ладье, спасательному кругу,
Но ни один матрос им не протянет руку.
А рядом с ним другой спит, прислонясь к стене.

Ты видишь тех рантьерш? Послушай-ка, остынь
Притворщик-лицедей и, усмехнувшись горько,
Ты просто подойдешь и перережешь горло
Какой-нибудь из тех зажавшихся гусынь.

А как сойдет с небес железный всадник хмурый,
Невозмутим, как бог, чуть различим во мгле,
И оказавшись с ним на выжженной земле,
Ты только не дрожи перед его прищуром.

Гранитная скала на шерстяном ковре,
Кулак прижат к бедру, вы слышите, идет он,
Его безгрешная плоть, и взгляд его наметан,
Он выберет тебя, как принято в игре.

Достанется ему прекраснейший юнец.
Как робок ты еще, неловкий недотрога.
Но успокой свой страх, уйми свою тревогу,
И в рот возьми его, как мальчик — леденец.

Впусти, как в темный храм, в глубь горла твоего
Мой воспаленный жезл, не дай ему пощады,
Покусывай, целуй, возьми его за щеку,
Глотай, и извергай, и отвергай его!

Adore à deux genoux, comme un poteau sacré,
Mon torse tatoué, adore jusqu'aux larmes
Mon sexe qui se rompt, te frappe mieux qu'une arme,
Adore mon bâton qui va te pénétrer.

Il bondit sur tes yeux ; il enfile ton âme,
Penche un peu la tête et le vois se dresser.
L'apercevant si noble et si propre au baiser
Tu t'inclines très bas en lui disant : « Madame ! »

Madame écoutez-moi ! Madame on meurt ici !
Le manoir est hanté ! La prison vole et tremble !
Au secours, nous bougeons ! Emportez-nous ensemble,
Dans votre chambre au ciel, Dame de la merci !

Appelez le soleil, qu'il vienne et me console.
Étranglez tous ces coqs ! Endormez le bourreau !
Le jour sourit mauvais derrière mon carreau.
La prison pour mourir est une fade école.

Sur mon cou sans armure et sans haine, mon cou
Que ma main plus légère et grave qu'une veuve
Effleure sous mon col, sans que ton cœur s'émeuve,
Laisse tes dents poser leur sourire de loup.

Ô viens mon beau soleil, ô viens ma nuit d'Espagne,
Arrive dans mes yeux qui seront morts demain.
Arrive, ouvre ma porte, apporte-moi ta main,
Mène-moi loin d'ici battre notre campagne.

Пей, на колени встав, из этого сосуда,
Люби меня до слез, сожги меня дотла.
Мой меч разит сильней, чем пуля и стрела,
Мой раб царит везде и проникает всюду.

Чуть отстранясь, взгляни, я все тебе отдам,
Он, устремясь вперед, твою пронзает душу,
Увидев, как он тверд, прекрасен и послушен,
Ты, низко поклонясь, скажи ему: «Мадам!»

Послушайте, Мадам! Здесь невозможно боле!
Здесь призраки живут! Тюрьма-фантом парит!
На помощь, мы летим! Ты всех нас забери
В небесный свой чертог, благодаренье Богу!

Ты солнце позови, пускай укажет путь.
Всех петухов — под нож! Всех палачей — в колодцы!
За прутьями тюрьмы день злобно усмехнется:
Тюрьма — чтоб умереть. Запомнил? Не забудь.

Нет у меня брони. И ненависти тоже.
Стою незащищен, одетый в легкий плащ,
А над воротничком — полоска белой кожи,
Чтоб именно сюда поцеловал палач.

О солнце надо мной! Испанской ночи тяжесть!
Войди в мои глаза — они умрут с зарей.
Войди в мою тюрьму, и дверь мою открой,
И уведи меня скитаться и бродяжить.

Le ciel peut s'éveiller, les étoiles fleurir,
Ni les fleurs soupirer, et des prés l'herbe noire
Accueillir la rosée où le matin va boire,
Le clocher peut sonner : moi seul je vais mourir.

Ô viens mon ciel de rose, ô ma corbeille blonde !
Visite dans sa nuit ton condamné à mort.
Arrache-toi la chair, tue, escalade, mords,
Mais viens ! Pose ta joue contre ma tête ronde.

Nous n'avions pas fini de nous parler d'amour.
Nous n'avions pas fini de fumer nos gitanes.
On peut se demander pourquoi les Cours condamnent
Un assassin si beau qu'il fait pâlir le jour.

Amour viens sur ma bouche ! Amour ouvre tes portes !
Traverse les couloirs, descends, marche léger,
Vole dans l'escalier plus souple qu'un berger,
Plus soutenu par l'air qu'un vol de feuilles mortes.

Ô traverse les murs ; s'il le faut marche au bord
Des toits, des océans ; couvre-toi de lumière,
Use de la menace, use de la prière,
Mais viens, ô ma frégate, une heure avant ma mort.

Les assassins du mur s'enveloppent d'aurore
Dans ma cellule ouverte au chant des hauts sapins,
Qui la berce, accrochée à des cordages fins
Noués par des marins que le clair matin dore.

Проснутся небеса и травы поутру,
И птицы запоют, и лепестки прогнутся,
И черные луга росой захлебнутся,
И колокол пробьет. Лишь я один умру.

Приди ко мне сюда и в полночь разбуди,
Здесь обитаю я, приговоренный к смерти,
Что хочешь вытворяй: ругай, кусайся, смейся,
Терзай зубами плоть... Но только лишь приди.

Здесь есть еще пока немного сигарет,
Здесь есть еще о чем нам говорить и плакать.
Зачем же, трибунал, ты отдаешь на плаху,
Убийцу, красотой затмившего рассвет.

Любовь, приди ко мне, ты проскользнешь по-лиси,
Минуя коридор и лестничный пролет,
Изящней, чем пастух, и легче, чем полет
Подхваченных огнем осенних желтых листьев.

Сквозь стены проберись, охрану разбуди,
Взметнись по проводам, спустись по водостоку,
Молись и матерись, отдайся злу и року,
Хотя б за полчаса до смерти, но приди.

А в камере моей, открытой пенью сосен,
Под колыбельную медлительной реки
Качаются у стен пустые гамаки,
Их некогда сплели усталые матросы.

Qui grava dans le plâtre une Rose des Vents ?
Qui songe à ma maison, du fond de sa Hongrie ?
Quel enfant s'est roulé sur ma paille pourrie
À l'instant du réveil d'amis se souvenant ?

Divague ma Folie, enfante pour ma joie
Un consolant enfer peuplé de beaux soldats,
Nus jusqu'à la ceinture, et des frocs résédas
Tire ces lourdes fleurs dont l'odeur me foudroie.

Arrache on ne sait d'où les gestes les plus fous.
Dérobe des enfants, invente des tortures,
Mutile la beauté, travaille les figures,
Et donne la Guyane aux gars pour rendez-vous.

O mon vieux Maroni, ô Cayenne la douce !
Je vois les corps penchés de quinze à vingt fagots
Autour du mino blond qui fume les mégots
Crachés par les gardiens dans les fleurs et la mousse.

Un clop mouillé suffit à nous désoler tous.
Dressé seul au-dessus des rigides fougères
Le plus jeune est posé sur ses hanches légères
Immobile, attendant d'être sacré l'époux.

Et les vieux assassins se pressant pour le rite
Accroupis dans le soir tirent d'un bâton sec
Un peu de feu que vole, actif, le petit mec
Plus émouvant et pur qu'une émouvante bite.

Кто нацарапал здесь пленительную розу,
На гипсовой стене наш сокровенный знак,
Кто в камере упал на сгнивший мой тюфяк,
И, утром пробудясь, меня не вспомнил сразу?

Развей же этот бред, мой утешитель ад,
Где, к радости моей, прекрасные драгуны
Достали из штанов тяжелые бутоны,
И сокрушил меня их душный аромат.

Придумай страшный жест, чем хуже, тем верней,
Кради детей, калечь, скрывайся от полиций,
Уродуй красоту и деформируй лица,
В Гвиану отправляй на каторгу парней.

О старый Марони, о нежная Кайенна,
Склоненные тела взволнованной братвы,
Он чей-то подобрал окурок из травы
И курит не спеша, чуть подогнув колено.

Средь сосен молодых, что устремились ввысь,
Средь папоротников посередине круга,
Он знает: возведут в священный сан супруга,
И терпеливо ждет, на локти опершись.

И старые коты спешат увидеть снова
Тот ритуал. И, член ладонями обняв,
Хоть капельку росы, хоть искорку огня
Пытаются добыть из прутика сухого.

Le bandit le plus dur, dans ses muscles polis
Se courbe de respect devant ce gamin frêle.
Monte la lune au ciel. S'apaise une querelle.
Bougent du drapeau noir les mystérieux plis.

T'enveloppent si fin, tes gestes de dentelle !
Une épaule appuyée au palmier rougissant
Tu fumes. La fumée en ta gorge descend
Tandis que les bagnards, en danse solennelle,

Graves, silencieux, à tour de rôle, enfant,
Vont prendre sur ta bouche une goutte embaumée,
Une goutte, pas deux, de la ronde fumée
Que leur coule ta langue. Ô frangin triomphant,

Divinité terrible, invisible et méchante,
Tu restes impassible, aigu, de clair métal,
Attentif à toi seul, distributeur fatal
Enlevé sur le fil de ton hamac qui chante.

Ton âme délicate est par-delà les monts
Accompagnant encore la fuite ensorcelée
D'un évadé du bagne, au fond d'une vallée
Mort, sans penser à toi, d'une balle aux poumons.

Élève-toi dans l'air de la lune, ô ma gosse.
Viens couler dans ma bouche un peu de sperme lourd
Qui roule de ta gorge à mes dents, mon Amour,
Pour féconder enfin nos adorables noces.

А паханы в кругу стоят, склонившись ниц,
Как перед алтарем. Не слышны разговоры,
Умолкли голоса и затихают споры,
И к небу поднялись окружъя ягодиц.

Весь в жестах кружевных, как в платье подвенечном...
И, опершись плечом на сломанную ветвь,
Ты куришь. И летит дымок белесый вверх,
А каторжники все, как в танце бесконечном,

Вальсируя в траве, придут, чтобы забрать,
Отнять по-воровски у этих губ любимых
Сладчайшее кольцо взметнувшегося дыма,
Одно кольцо всего. О торжествуй, мой брат!

Стальное божество, невидимое, злое,
Стоишь, невозмутим и недвижим, пока
Поющая струна большого гамака
Не вознесет тебя, поднявши над землею.

И вот твоя душа с высоких гор глядит,
Поющая захлеб, парящая, как в танце.
Здесь беглый арестант лежать в траве остался
Без мыслей о тебе и с пулею в груди.

Мой мальчик, воспари, и я с тобой сольюсь,
Мне важно, чтоб и здесь я оказался первым.
А на двоих один глоток тягучей спермы,
Чтоб оплодотворить супружеский союз.

Colle ton corps ravi contre le mien qui meurt
D'enculer la plus tendre et douce des fripouilles.
En soupesant charmé tes rondes, blondes couilles,
Mon vit de marbre noir t'enfile jusqu'au cœur.

Ô vise-le dressé dans son couchant qui brûle
Et va me consumer ! J'en ai pour peu de temps,
Si vous l'osez, venez, sortez de vos étangs,
Vos marais, votre boue où vous faites des bulles.

Âmes de mes tués ! Tuez-moi ! Brûlez-moi !
Michel-Ange exténué, j'ai taillé dans la vie
Mais la beauté, Seigneur, toujours je l'ai servie,
Mon ventre, mes genoux, mes mains roses d'émoi.

Les coqs du poulailler, l'alouette gauloise,
Les boîtes du laitier, une cloche dans l'air,
Un pas sur le gravier, mon carreau blanc et clair,
C'est le luisant joyeux sur la prison d'ardoise.

Messieurs, je n'ai pas peur ! Si ma tête roulait
Dans le son du panier avec ta tête blanche,
La mienne par bonheur sur ta gracile hanche
Ou pour plus de beauté, sur ton cou, mon poulet...

Attention ! Roi tragique à la bouche entrouverte
J'accède à tes jardins de sable désolés,
Où tu bandes, figé, seul, et deux doigts levés,
D'un voile de lin bleu ta tête recouverte

Прижмись ко мне сильнее, и я в тебя войду,
Дугою изогнись, и я лишусь рассудка
От счастья обнимать последнего ублюдка,
Какого только бог мог сотворить в бреду.

Мой мраморный солдат бросается в геенну.
Испепели меня! я к гибели готов!
Ну что же вы, смелей, вылазьте из прудов,
Болот и грязных луж, отравлены гниеньем.

Погубленные мной! Придите же за мной!
Измученный Давид, я жизнь тесал, как камень.
Но красота, Господь, я ей служил — руками,
Плечами, животом и клеткою грудной.

В курятнике петух и жаворонок галльский,
Молочницы бидон и крона надо мной...
Все это ясный нимб над аспидной тюрьмой.
Еще квадрат окна и шум шагов по гальке.

Я вот он, господа! Когда придет конец,
И голова моя с твоей на плаху ляжет,
Пускай она потом подкатится поближе
К тебе, к твоим плечам, мой ангел, мой птенец.

Трагический король с изломанной улыбкой,
Впусти меня в твои зыбучие сады,
Где ты дрочишь один, застывший у воды
И отражаясь в ней, зеленоватой, зыбкой.

Par un délire idiot je vois ton double pur !
Amour ! Chanson ! Ma reine ! Est-ce un spectre mâle
Entrevu lors des jeux dans ta prunelle pâle
Qui m'examine ainsi sur le plâtre du mur ?

Ne sois pas rigoureux, laisse chanter matine
À ton cœur bohémien ; m'accorde un seul baiser...
Mon Dieu, je vais claquer sans te pouvoir presser
Dans ma vie une fois sur mon cœur et ma pine !

Pardonnez-moi mon Dieu parce que j'ai péché !
Les larmes de ma voix, ma fièvre, ma souffrance,
Le mal de m'envoler du beau pays de France,
N'est-ce assez, mon Seigneur, pour aller me coucher.
Trébuchant d'espérance

Dans vos bras embaumés, dans vos châteaux de neige !
Seigneur des lieux obscurs, je sais encore prier.
C'est moi mon père, un jour, qui me suis écrié :
Gloire au plus haut du ciel au dieu qui me protège,
Hermès au tendre pied !

Je demande à la mort la paix, les longs sommeils,
Le chant des séraphins, leurs parfums, leurs guirlandes,
Les angelots de laine en chaudes houppelandes,
Et j'espère des nuits sans lunes ni soleils
Sur d'immobiles landes.

В горячечном бреду, в неосторожном сне
Я знаю, что любовь — всего лишь мальчик-призрак,
Что промелькнет в зрачке, как в замутненной призме,
Чей взгляд меня распял на каменной стене.

Не отвергай, когда звучит мотив святой
В языческом твоём цыганском сердце. Боже!
Я от тоски загнусь, коль не удастся больше
Прижать тебя к себе, накрыть тебя собой.

Прости меня, мой Бог, я прожил недостойно!
Но все же я страдал, и плакал, и тонул,
И с мукой покидал любимую страну,
Так, может, хоть теперь, Господь мой, я спокойно
В твоих руках усну.

В чертогах ледяных, надежных, как броня,
В обители твоей в смятении великом
Не я ли, мой Отец, тебя восславил криком:
«Да будет вечно бог, что пестует меня!»
Гермес с нежнейшим ликом.

У смерти я прошу, чтоб подарила ночи
Спокойных долгих снов, беззвездный небосвод,
И колокольный звон, и больше ничего.
Вот разве что еще гирлянду ангелочков
На елку в Рождество.

Ce n'est pas ce matin que l'on me guillotine.
Je peux dormir tranquille. À l'étage au-dessus
Mon mignon paresseux, ma perle, mon Jésus
S'éveille. Il va cogner de sa dure bottine
À mon crâne tondu.

Il paraît qu'à côté vit un épileptique.
La prison dort debout au noir d'un chant des morts.
Si des marins sur l'eau voient s'avancer les ports,
Mes dormeurs vont s'enfuir vers une autre Amérique.

Еще не завтра я взойду на гильотину,
И к темным небесам не завтра вознесусь.
А выше этажом мой Бог, мой Иисус
Не спит. Его ноги в подкованном ботинке
Я головой коснусь.

Спит мертвым сном тюрьма. И мы тревожно спим.
Спит рядом за стеной сосед мой-эпилептик.
А нашим морякам по бесконечной Лете,
Не просыпаясь, плыть к Америкам другим.

J'ai dédié ce poème à la mémoire de mon ami Maurice Pilorge dont le corps et le visage radieux hantent mes nuits sans sommeil. En esprit je revis avec lui les quarante derniers jours qu'il passa, les chaînes aux pieds et parfois aux poignets, dans la cellule des condamnés à mort de la prison de Saint-Brieuc. Les journaux manquent d'à-propos. Ils conçoivent d'imbéciles articles pour illustrer sa mort qui coïncidait avec l'entrée en fonction du bourreau Desfourneaux. Commentant l'attitude de Maurice devant la mort, le journal L'Œuvre dit : « Que cet enfant eût été digne d'un autre destin. »

Bref on le ravala. Pour moi, qui l'ai connu et qui l'ai aimé, je veux ici, le plus doucement possible, tendrement, affirmer qu'il fut digne, par la double et unique splendeur de son âme et de son corps, d'avoir le bénéfice d'une telle mort. Chaque matin, quand j'allais, grâce à la complicité d'un gardien ensorcelé par sa beauté, sa jeunesse et son agonie d'Apollon, de ma cellule à la sienne, pour lui porter quelques cigarettes, levé tôt il fredonnait et me saluait ainsi, en souriant : « Salut, Jeannot-du-Matin ! »

Originaire du Puy-de-Dôme, il avait un peu l'accent d'Auvergne. Les jurés, offensés par tant de grâce, stupides mais pourtant prestigieux dans leur rôle de Parques, le condamnèrent à vingt ans de travaux forcés pour cambriolage de villas sur la côte et, le lendemain, parce qu'il avait tué son amant Escudero pour lui voler moins de mille francs, cette même cour d'assises condamnait mon ami Maurice Pilorge à avoir la tête tranchée. Il fut exécuté le 17 mars 1939 à Saint-Brieuc.

Я посвятил эту поэму памяти моего друга Мориса Пилоржа, чье тело и ослепительное лицо не дают мне покоя бессонными ночами. Мысленно я прожил с ним те последние сорок дней, что он провел в наручниках и кандалах в камере смертников тюрьмы Сен-Брие. В газетах об этом не говорится ничего. Зато в них полно идиотских статей о том, что его смерть совпала со вступлением в должность нового палача Дефурно. Рассказывая о поведении Мориса перед смертью, газета «Эвр» писала: «Мальчик достоин был лучшей участи».

Этой фразой ему было нанесено оскорбление. Что касается меня, который знал его и любил, я считаю и смею настаивать на этом — хотя и не желаю навязывать своего мнения, — что он с его великодушием, какое встретишь не часто, был достоин именно такой — и никакой иной — смерти. Каждое утро, когда я, заручившись поддержкой одного надзирателя, также очарованного его красотой, юностью и агонией, достойной Аполлона, направлялся из собственной камеры в камеру Пилоржа, чтобы отнести несколько сигарет, он приветствовал меня улыбкой: «Привет, Жанно-Ранняя-Пташка!»

У него, уроженца Пюи-де-Дом, был едва заметный овернский акцент. Присяжные, чувствуя себя униженными при виде подобной красоты, тупоголовые и в то же время горделивые от сознания собственной значимости в роли вершащих судьбы парок, приговорили его к двадцати годам каторжных работ за ограбление соседней виллы, а на завтра за убийство любовника Эскудеро из-за каких-то тысячи франков эти же самые присяжные приговорили моего друга Мориса Пилоржа к отсечению головы. Он был казнен в Сен-Брие 17 марта 1939 года.

MARCHE FUNÈBRE

ТРАУРНЫЙ МАРШ

I

Il reste un peu de nuit dans un angle à croupir.
Étincelle en coups durs dans notre ciel timide
(Les arbres du silence accrochent des soupirs)
Une rose de gloire au sommet de ce vide.

Perfide est le sommeil où la prison m'emporte
Et plus obscurément dans mes couloirs secrets
Éclairant les marins qui font de belles mortes
Ce gars hautain qui passe au fond de ses forêts.

II

C'est en moi qu'il me boucle et c'est jusqu'à perpète
Ce gâfe de vingt ans !
Un seul geste son œil, ses cheveux dans les dents :
Mon cœur s'ouvre et le gâfe avec un cri de fête
M'emprisonne dedans.

I

Остались догнивать в углу обрывки ночи,
Как вена, в небесах пульсирует звезда,
И клочья тишины, как влажные комочки,
Повисли на ветвях, столбах и проводах.

Как ненадежен сон, в который погружает
Меня тюрьма, когда с опущенным лицом,
С руками за спиной и в кандалах, шагает
По зарослям густым шеренга мертвецов.

II

Он запирает меня во мне на пожизненный срок,
Двадцатилетний страж.
Единственный жест — это быстрый взгляд, заговор наш.
Он впускает меня в мое сердце, как переводят через порог,
Не тюремщик, а паж.

À peine refermée avec trop de bonté
Cette porte méchante
Que déjà tu reviens. Ta perfection me hante
Et j'entends notre amour aujourd'hui raconté
Par ta bouche qui chante.

Ce tango poignardé que la cellule écoute,
Ce tango des adieux.
Est-ce toi monseigneur sur cet air radieux ?
Ton âme aura coupé par de secrètes routes
Pour échapper aux dieux.

III

Quand tu dors des chevaux déferlent dans la nuit
Sur ta poitrine plate et le galop des bêtes
Ecarte la ténèbre où le sommeil conduit
Sa puissante machine arrachée à ma tête
Et sans le moindre bruit

Le sommeil fait fleurir de tes pieds tant de branches
Que j'ai peur de mourir étouffé par leurs cris.
Que déchiffre au défaut de ta fragile hanche
Avant qu'il ne s'efface un pur visage écrit
En bleu sur ta peau blanche.

Mais qu'un gâfe t'éveille ô mon tendre voleur
Quand tu laves tes mains ces oiseaux qui voltigent
Autour de ton bosquet chargé de mes douleurs
Tu casses avec douceur des étoiles la tige
Sur ton visage en pleurs.

Но оказывается закрыта с такой добротой

Эта плотная дверь.

Что ты возвращаешься, словно сам говоришь: не верь,

Я никуда не уйду отсюда, я останусь с тобой,

Мы вдвоем теперь.

Это танго с кинжалом в груди, его слышит тюрьма,

Ухом прильнув к стене.

Мой господин, что с нами будет, если умрем во сне?

А душа окутана музыкой, как снегом дома,

Нет богов во мне.

III

Когда ты спишь, в ночи неистовствуют кони,

Здесь, на твоей груди, их бешеный полет,

Но ты уже не там, где ряд тюремных коек

Баюкает в тиши обритый ряд голов.

Ты в неге и покое.

Раскинувшись во сне, прикрыв руками веки,

Ветвишься ты в ночи, с деревьями в родстве,

Я знаю лишь одно: что утром в эти ветки

Я упаду лицом и задохнусь в листве.

И будет шрам навеки.

А утром разбудить придет охранник грустный,

Ты станешь руки мыть, не ведая беды,

И стая птиц вспорхнет над брызгами воды,

Но ты сожмешь кулак и, как стеклянный, хрустнет

Вдруг стебелек звезды.

Ta dépouille funèbre a des poses de gloire
Ta main qui la jetait la semant de rayons.
Ton maillot, ta chemise et ta ceinture noire
Étonnent ma cellule et me laissent couillon
Devant un bel ivoire

IV

Belles nuits du plein jour
Ténèbres de Pilorge
C'est dans vos noirs détours
Mon couteau que l'on forge.

Mon Dieu me voici nu
Dans mon terrible Louvre.
A peine reconnu
Que ton poing fermé m'ouvre

Je ne suis plus qu'amour
Toutes mes branches brûlent
Si j'obscurcis le jour
En moi l'ombre recule.

Il se peut qu'à l'air pur
Mon corps sec tombe en poudre
Posé contre le mur
J'ai l'éclat de la foudre.

Твой лик, твой взор, твой торс в ночи меня разыщут,
Сквозь стены протянув невидимую связь.
(И спутанных волос магическая вязь.)
Восторженно стою, как проклятый язычник,
Пред бивнем преклонясь.

IV

Стали контуры четки,
Это вечер, Пилорж.
В вашей кузнице черной
Мой выкован нож.

Там, где, Господи, встану я,
Изрыгая хвалу,
Твоя голая статуя,
Мой чудовищный Лувр.

Словно нежностью — нежитью
Свет тюрьму окропил,
Там, где утро забрезжило,
Там, где мрак отступил.

Но у ночи на выдохе
Предпочтительней мрак.
Мое тело на воздухе
Вмиг рассыплется в прах.

Le cœur de mon soleil
Le chant du coq le crève
Mais jamais le sommeil
N'ose y verser ses rêves.

Séchant selon mes vœux
Je fixe le silence
Quand des oiseaux de feu
De mon arbre s'élancent.

V

Des dames que l'on croit de nature cruelle
Leurs pages messagers portent des ornements.
Ils se lèvent la nuit ces rôdeurs de ruelle
Et sur un signe d'eux vous partez hardiment.

Or tel gosse vibrant dans sa robe de grâce
Me fut l'ange envoyé dont je suivais confus
Par la course affolé la lumineuse trace
Jusqu'à cette cellule où luisait son refus.

VI

Quand j'ai voulu chanter d'autres gammes que lui
Ma plume s'embrouillant dans les rais de lumière
D'un mot vertigineux la tête la première
Stupide je tombais par cette erreur conduit
Au fond de son ornière.

Солнце алое корчится,
Кровь клокочет в паху.
Сновидения кончатся,
Время петть петуху.

Просыпаясь, я таю,
Тьма бросается ниц.
Как с ветвей моих стая
Вспорхнувших жар-птиц.

V

Как почтальоны письма, как знаменосцы стяги,
Пажи влюбленные носят дамы своей убранныхства,
Они пробираются ночью, эти уличные бродяги,
И по одному их знаку вы спешите убратсья.

О, этот тип, дрожащий в чужой, измятой одежде,
Он был мне посланный ангел, и я, не смыкая глаз,
Всю ночь бежал и бежал за ним в волнении и надежде
До этой вот самой камеры, где брезжил его отказ.

VI

Когда я петть хотел совсем иные гаммы,
Чем он, мое перо, запутавшись в лучах,
Меня столкнуло вниз, как из гнезда — грача,
И в пропасть я упал, на острия, на камни,
От ужаса крича.

VII

Rien ne troublera plus l'éternelle saison
Où je me trouve pris. L'eau de la solitude
Immobile me garde et remplit la prison.
J'ai vingt ans pour toujours et malgré votre étude.

Pour te plaire ô gamin d'une sourde beauté
Je resterai vêtu jusqu'à ce que je meure
Et ton âme quittant ton corps décapité
Troublera dans mon corps une blanche demeure.

Ô savoir que tu dors sous mon modeste toit !
Tu parles par ma bouche et par mes yeux regardes
Cette chambre est la tienne et mes vers sont de toi.
Revis ce qu'il te plaît car je monte la garde.

VIII

Peut-être c'était toi le démon qui pleurait
Derrière ma muraille ?
Revenu parmi nous plus preste qu'un furet
Ma divine canaille.

Le sort détruit encor par un nouveau trépas
Nos amours désolées
Car c'était encor toi Pilorge ne mens pas
Que ces Ombres volées !

VII

Теперь одно и то же время года,
Я стиснут в нем, свыкаясь тяжело,
Как, обнимая, душит несвобода,
Мне двадцать лет всем метрикам назло.

Я буду здесь стоять оцепенело,
Когда, дорогу отыскав во мгле,
Покинув обезглавленное тело,
Твоя душа поселится во мне.

Ты будешь жить в моем доме отныне,
И спать, и плакать на моих глазах.
Возле тебя, как около святыни,
Я, вытянувшись, встану на часах.

VIII

Может, это был ты — демон, который плакал
За моею стеной?
Вернувшийся к нам быстрее, чем ураган, чем атака,
Мой проклятый герой.

Смерть разделила вновь между теми и теми
Нашу любовь и ложь.
Ты убеждаешь меня, будто исчезли тени?
Я не знаю, Пилорж.

IX

L'enfant que je cherchais épars sur tant de gosses
Est mort dans son lit seul comme un prince royal.
Hésitant sur l'orteil une grâce le chausse
Et recouvre son corps d'un étendard loyal.

À la douceur d'un geste où s'accroche une rose
Je reconnais la main dévalisant les morts !
Seul tu fis ces travaux qu'un soldat même n'ose
Et tu descends chez eux sans craintes ni remords.

Comme ton corps un maillot noir gantait ton âme
Et quand tu profanais le tombeau désigné
Tu découpais avec la pointe d'une lame
La ligne d'un rébus par la foudre aligné.

Nous t'avons vu surgir porté par la folie
Aux couronnes de fer accroché par les tifs
Dans cette bave en perle et les roses salies
Les bras entortillés d'avoir été pris vif.

À peine revenu nous porter ton sourire
Et tu disparaissais si vite que j'ai cru
Que ta grâce endormie avait sans nous le dire
Pour un autre visage autres ciels parcouru.

De ton corps bien taillé sur un enfant qui passe
J'entrevois les éclats je lui veux te parler
Mais un geste de lui subtil de lui t'efface
Et te plonge en mes vers d'où tu ne peux filer.

IX

Дитя, что я искал в ребячьих стаях,
В своей постели, как король, умрет.
Подступит милость, в изголовье встанет,
Лоб поцелует, полог подоткнет.

Единственный, ты вынес эту муку
Без слез и стонов. Но в конце концов
По шрамам я узнаю эту руку,
Обкрадывающую мертвецов.

И мародерам, право, не угнаться
За тем, кто в ад спускается легко.
Но эту душу, словно торс гимнаста,
Обтягивает черное трико.

Ты, унесенный пламенем недужным,
Идешь в толпе с безумием в глазах,
В венце железном и слюне жемчужной,
С руками, вывернутыми назад.

Едва вернувшись, чтобы улыбнуться
Нам, ты исчезнешь, тая, словно дым,
Чтоб вырваться от нас и обернуться
Иным обличем к небесам иным.

Неся, как нимб, свой полудетский облик,
Едва заметный оставляя след,
Ты проскользнешь, как призрак или отблеск
В мои стихи. Из них возврата нет.

Quel ange a donc permis qu'à travers les solides
Tu passes sans broncher fendant l'air de ta main
Hélice délicate à l'avant d'un bolide
Qui trace et qui détruit son précieux chemin ?

Nous étions désolés par ta fuite légère.
Un tête à queue brillant te mettait dans nos bras.
Tu bécotais nos cous et tu nous voulais plaire
Et ta main pardonnait à tous ces cheveux ras.

Mais tu n'apparais plus gosse blond que je cherche.
Je tombe dans un mot et t'y vois à l'envers.
Tu t'éloignes de moi un vers me tend la perche.
D'une ronce de cris je m'égare à travers.

Pour te saisir le Ciel fit de sublimes pièges
Féroces et nouveaux œuvrant avec la Mort
Qui surveillait du haut d'un invisible siège
Les cordes et les nœuds sur des bobines d'or.

Il se servit encor du trajet des abeilles
Il dévida si long de rayons et de fil
Qu'il fit captive enfin cette rose merveille :
Un visage d'enfant qui s'offrait de profil.

Ce jeu s'il est cruel je n'oserais m'en plaindre
Un chant de désespoir en crevant ton bel œil
S'affola de te voir par tant d'horreur étreindre
Et ce chant pour mille ans fit vibrer ton cercueil.

Так что за ангел это все подстроил?
День указал, освободил от пут...
Летит спираль, толкая астероид,
Чертя и тотчас же стирая путь.

Мы были опечалены безмерно
Мгновенным бегством, смертью наповал.
Но нежная рука, твоя, наверно,
Прошлась по нашим бритым головам.

Мой милый, ты ушел от нас навеки,
Но я тебя, как проклятый, ищу,
Я бьюсь в кустах колючей ежевики,
Поранился до крови и кричу.

Расставивши капканы и препоны,
Прекрасная с небес взирает Смерть:
Ей с высоты невидимого трона
Так сладко на агонию смотреть.

Ты, размотавший все лучи, как нити,
Ты путь пчелы прошел за взмахом взмах,
Чтоб, наконец, как роза в чудном нимбе
Явился детский профиль в зеркалах.

Жестокая игра. Но я не смею
Роптать на этот страх или озноб.
Ослепший, от отчаянья немею,
Как колыбель, баюкая твой гроб.

Pris aux pièges des dieux étranglé par leur soie
Tu es mort sans savoir ni pourquoi ni comment.
Tu triomphes de moi mais perds au jeu de l'oie
Où je t'ose forcer mon fugitif amant.

Malgré les soldats noirs qui baisseront leurs lances
Tu ne peux fuir du lit où le masque de fer
T'immobilise raide et soudain tu t'élances
Retombes sans bouger et reviens en enfer.

X

Mon cachot bien-aimé dans ton ombre mouvante
Mon œil a découvert par mégarde un secret.
J'ai dormi des sommeils que le monde ignorait
Où se noue l'épouvante.

Tes couloirs ténébreux sont méandres du cœur
Et leur masse de rêve organise en silence
Un mécanisme ayant du vers la ressemblance
Et l'exacte rigueur.

Ta nuit laisse couler de mon œil et ma tempe
Un flot d'encre si lourd qu'elle en fera sortir
Des étoiles de fleurs comme on le voit d'un tir
La plume que j'y trempe.

И ты, в ловушку загнанный богами,
Затравленный и брошенный во тьму,
Ты умер, их задушенный шелками,
Не ведая, за что и почему.

Тебе с железной не привстать постели,
Не соблазнить охранников-солдат.
Спеленат в кандалы, из колыбели
Ты выпадешь. И возвратишься в ад.

Х

Моя любимая камера, в твоём сумраке узком
Я обнаружил тайну, случайно глаза открыв
Ночью, когда сновиденье вдруг лопается, как нарыв,
И зарождается ужас.

Тюремные коридоры, как излучины сердца,
Сплетаются в узел, развязываются, сталкиваются во тьме.
Из этого лабиринта и сновиденья мне
Уже никуда не деться.

Ночью начнут струиться, как пот по виску, как жалость
Потоки чернил густые, обволакивающие тюрьму.
Я в них тону, задыхаясь, и в эту черную тьму
Свое перо погружаю.

J'avance dans un noir liquide où des complots
Informes tout d'abord lentement se précisent.
Qu'hurlerais-je au secours ? Tous mes gestes se brisent
Et mes cris sont trop beaux.

Vous ne saurez jamais de ma sourde détresse
Que d'étranges beautés que révèle le jour.
Les voyous que j'écoute après leurs mille tours
À l'air libre se pressent.

Ils dépêchent sur terre un doux ambassadeur
Un enfant sans regard qui marque son passage
En crevant tant de peaux que son joyeux message
Y gagne sa splendeur.

Vous pâlissez de honte à lire le poème
Qu'inscrit l'adolescent aux gestes criminels
Mais vous ne saurez rien des nœuds originels
De ma sombre véhème.

Car les parfums roulant dans sa nuit sont trop forts.
Il signera Pilorge et son apothéose
Sera l'échafaud clair d'où jaillissent les roses
Bel effet de la Mort.

XI

Le hasard fit sortir — le plus grand ! des hasards
Trop souvent de ma plume au cœur de mes poèmes
La Rose avec le mot de Mort qu'à leurs brassards
En blanc portent brodé les noirs guerriers que j'aime.

Медленно продвигаясь в черной тягучей жиже,
Я вижу, как смутные заговоры становятся все ясней.
Что вопил я, зовя на помощь? Темнота подступает. С ней
Крики кажутся ближе.

Вы никогда не узнаете о тайной моей печали,
О том, как мои приятели, к которым особый счет,
Днем болтают о подвигах, сплевывая через плечо,
И плачут ночами.

По их призыву торопится на эту землю посланник,
Мальчик, который приходит, обозначив свой путь
Сотнею шкур разодранных, сотней разорванных пут,
Он изгой и избранник.

Вы от стыда бледнеете, читая стихотворенье,
Где описан подросток с дерзким огнем в глазах,
Но вы никогда не узнаете о клубках и узлах,
В которых сплелось мученье.

Слишком сильны ароматы, витающие во мраке.
Он благословит Пилоржа, и сделается торжество
Светлым его эшафотом, и станут вести его
Смерти прекрасной знаки.

XI

Снова — когда не ждешь! — эта удача выпала,
Мне удалось уйти и обмануть петлю.
Роза со словом Смерть на нарукавниках выткана,
Их носят черные воины, которых я так люблю.

Quel jardin peut fleurir tout au fond de ma nuit
Et quels jeux douloureux s'y livrent qu'ils effeuillent
Cette rose coupée et qui monte sans bruit
Jusqu'à la page blanche où vos rires l'accueillent.

Mais si je ne sais rien de précis sur la Mort
D'avoir tant parlé d'elle et sur le mode grave
Elle doit vivre en moi pour surgir sans effort
Au moindre de mes mots s'écouler de ma bave.

Je ne connais rien d'elle, on dit que sa beauté
Use l'éternité par son pouvoir magique
Mais ce pur mouvement éclate de ratés
Et trahit les secrets d'un désordre tragique.

Pâle de se mouvoir dans un climat de pleurs
Elle vient les pieds nus explosant par bouffées
A ma surface même où ces bouquets de fleurs
M'apprennent de la Mort des douceurs étouffées.

Je m'abandonnerai belle Mort à ton bras
Car je sais retrouver l'émouvante prairie
De mon enfance ouverte et tu me conduiras
Auprès de l'étranger à la verge fleurie.

Et fort de cette force ô reine je serai
Le ministre secret de ton théâtre d'ombres.
Douce Mort prenez-moi me voici préparé
En route à mi-chemin de votre ville sombre.

Сад расцветает призрачный в глубине моей полночи.
У розы, срезанной утром, лепестки оборвут.
И вот она поднимается, безмолвно моля о помощи,
До белой чистой страницы, туда, где ее не ждут.

Про смерть ничего не знаю и недостоин большего,
Хотя лишь о ней и думал в этой жизни земной.
Смерть, во мне затаившись, впорхнет коровкою божьею
В молитвы мои вечерние, что вытекут со слюной.

Я знаю лишь то немного, что про нее рассказывали,
Что истинная красота ее нам станет ясней потом,
Но это движение четкое взрывается вдруг отказами,
И мысли гудят, как мухи над вспоротым животом.

Бледная, ослабевшая от слез в этом плачущем климате,
Босая, пройдет по берегу, там, где бушует смерч,
Наденет венок на голову, и каждый цветок откликнется
На мой приглушенный возглас, на нежное имя: Смерть.

Прекрасная Смерть баюкает, как ветерок — растение
На залитом солнцем, радостном, волнующемся лугу.
И, за руку взяв, как в детстве, подводит меня, растерянного,
К таинственному чужестранцу с цветущим стеблем в паху.

И, этой силой наполнившись, я отрекаюсь от имени,
Тайным министром сделаюсь в твоём театре теней.
Нежная Смерть, я вытянусь перед тобой, прими меня.
К вашему городу сумрачному я иду все быстрее.

XII

Sur un mot ma voix bute et du choc tu jaillis
Au miracle si prompt que joyeux à tes crimes !
Qui donc s'étonnera que je pose mes limes
Pour éprouver à fond du verbe les taillis ?

Mes amis qui veillez pour me passer des cordes
Autour de la prison sur l'herbe endormez-vous.
De votre amitié même et de vous je m'en fous.
Je garde ce bonheur que les juges m'accordent.

Est-ce toi autre moi sans tes souliers d'argent
Salomé qui m'apporte une rose coupée ?
Cette rose saignante enfin développée
De son linge est la sienne ou la tête de Jean ?

Pilorge réponds-moi ! Fais bouger ta paupière
Parle-moi de travers chante par ton gosier
Tranché par tes cheveux tombe de ton rosier
Mot à mot ô ma Rose entre dans ma prière !

XIII

Où sans vieillir je meurs je t'aime ô ma prison.
La vie de moi s'écoule à la mort enlacée.
Leur valse lente et lourde à l'envers est dansée
Chacune dévidant sa sublime raison
L'une à l'autre opposée.

XII

Я, спотыкаясь, слово произнес.
Как от удара, вздрагивает голос.
Кто в камеру мне лезвие принес,
Вскрыть эту ночь до глубины глагола?

Друзья, меня пришедшие спасать,
Усните у тюрьмы на груди веток.
На вас и вашу дружбу мне плевать.
Спасибо, судьи, за подарок этот.

Так, значит, ты — это иное «я»?
Нас даже Саломея не рассудит.
Тот окровавленный комок белья,
Что это — роза? голова на блюде?

Ответь, Пилорж! Невнятным языком
Заговори со мной стихом иль прозой.
И каждой буквой, каждым лепестком
Войдет в мои молитвы слово «Роза».

XIII

Не состарившись, я умираю в любимой тюрьме.
Это жизнь из меня вытекает в объятия стужи.
Их тяжелый и медленный вальс не по правилам кружит:
Три-два-раз, — как заклятье, они повторяют во сне.
Не умрет — занедужит.

J'ai trop de place encor ce n'est pas mon tombeau
Trop grande est ma cellule et pure ma fenêtre.
Dans la nuit prénatale attendant de renaître
Je me laisse vivant par un signe plus haut
De la Mort reconnaître.

À tout autre qu'au Ciel je ferme pour toujours
Ma porte et je n'accorde une minute amie
Qu'aux très jeunes voleurs dont mon oreille épie
De quel cruel espoir l'appel à mon secours
Dans leur chanson finie.

Mon chant n'est pas truqué si j'hésite souvent
C'est que je cherche loin sous mes terres profondes
Et j'amène toujours avec les mêmes sondes
Les morceaux d'un trésor enseveli vivant
Dès les débuts du monde.

Si vous pouviez me voir sur ma table penché
Le visage défait par ma littérature
Vous sauriez que m'écoeure aussi cette aventure
Effrayante d'oser découvrir l'or caché
Sous tant de pourriture.

Une aurore joyeuse éclate dans mon œil
Pareille au matin clair qu'un tapis sur les dalles
Pour étouffer ta marche à travers les dédales
Des couloirs suffoqués l'on posa de ton seuil
Aux portes matinales.

Впрочем, эта могила, похоже, еще не моя.
Слишком много в ней места, я в ней затеряюсь,
как призрак.

Велика моя камера, чисто окно, и на тризну
Я отправлюсь живым, понапрасну о смерти моля.
Даже смертью не признан.

Для любого другого я двери б закрыл навсегда,
Кроме Неба. К другим мое сердце остыло и глухо,
Кроме юных воров, к чьим губам я тяну свое ухо,
Все надеясь расслышать ответ на мольбу, но тогда
Вмиг лишаюсь я слуха.

Моя песнь не фальшива. И если порой я запнусь,
Это лишь оттого, что ищу глубоко под землею.
Там, под слоем травы, припорошены смертной золою,
Погребенные заживо клады. Пред ними склонюсь:
Я лишил их покоя.

О, когда вы могли бы увидеть меня за столом,
Как сижу я склонившись, с лицом, искаженным от боли.
Вы б узнали, как тошно мне было и как меня били.
Не хочу я искать этот клад, поднимая кайлом
Наслоения гнили.

Но, как прежде, мой взгляд обращен на зарю, на восток.
Чтоб шаги приглушить, осторожною поступью зверя
Я, по каменным плитам пройдя, путь шагами измеря,
Тот рассвет, как ковер, я на ваш расстилаю порог,
К вашей утренней двери.

LA GALÈRE

ГАЛЕРА

Un forçat délivré dur et féroce lance
Un chiourme dans le pré mais d'une fleur de lance
Le marlou Croix du Sud l'assassin Pôle Nord
Aux oreilles d'un autre ôtent ses boucles d'or.
Les plus beaux sont fleuris d'étranges maladies.
Leur croupe de guitare éclate en mélodies.
L'écume de la mer nous mouille de crachats.
Sommes-nous remontés des gorges d'un pacha ?

On parle de me battre et j'écoute vos coups.
Qui me roule Harcamone et dans vos plis me coud ?

Harcamone aux bras verts haute reine qui vole
Sur ton odeur nocturne et les bois éveillés
Par l'horreur de son nom ce bagnard endeuillé
Sur ma galère chante et son chant me désole.

Les rameaux alourdis par la chaîne et la honte
Les marles les forbans ces taureaux de la mer
Ouvragé par mille ans ton geste les raconte
Et le silence avec la nuit de ton œil clair.

Освобожден с галеры каторжник, но пока
Он пригвожден, как мачтой, железным стеблем цветка.
Убийца Северный Полюс и сутенер Млечный Путь
Свои золотые кольца вдевают в дыры от пуль.
На бедрах — гитарных деках мелодии всех хоров,
На самых прекрасных лицах цветущий букет хвороб.
Поднявшись из глотки кэпа, как белый ажурный ком,
Слепая морская пена омоет лицо плевком.

Меня избивают, слышу удары пинки плевки.
О как Аркамон мне скрыться в изгибах твоей руки?

Раскинув крылами руки во тьме летит Аркамон
Над разбуженным лесом и камерами летит.
И узник в тоске и страхе посмотрит на небо. Он
Поет на моей галере рвущий душу мотив.

А веткам в цепях позорных не выпрямиться никак,
Бандиты коты корсары, не узнанные никем,
О них рассказали жесты, отточенные за века,
И беззвучная полночь в черном твоём зрачке.

Les armes de ces nuits par les fils de la mort
Portées mes bras cloués de vin l'azur qui sort
De naseaux traversés par la rose égarée
Où tremble sous la feuille une biche dorée...
Je m'étonne et m'égare à poursuivre ton cours
Étonnant fleuve d'eau des veines du discours !

Empeste mon palais de ces durs que tu gardes
Dans tes cheveux bouclés sur deux bras repliés
Ouvre ton torse d'or et que je les regarde
Embaumés par le sel dans ton coffre liés.

Entrouverts ces cercueils ornés de fleurs mouillées
Une lampe y demeure et veille mes noyées.

Fais un geste Harcamone allonge un peu ton bras
Montre-moi ce chemin par où tu t'enfuiras
Mais tu dors si tu meurs et rejoins cette folle

Où libres de leurs fers les galériens s'envolent.
Ils regagnent des ports titubants de vins chauds
Des prisons comme moi de merveilleux cachots.

Ces pets mélodieux où vous emmitouflez
Cellule un bouquet vert de macs frileux et tendres
La narine gonflée il faudra les attendre
Et gagner transporté dans leurs chariots voilés
Mon enfance posée à peine sur la nuit
De papiers enflammés et mêler cette soie
À la rousse splendeur qu'un grand marlou déploie
Du vent calme et lointain qui de son corps s'enfuit.

Герб этой страшной ночи смерть на щите несла,
Руки прибиты к рее, и терпким вином текла
Густая лазурь сквозь ноздри, проколотые цветком,
Лань золотая дрожала под розовым лепестком.
Я поражен, растерян, но за тобой готов
Мчаться потоком водным по синим прожилкам слов.

Каторжниками, как стражей, ты мой дворец хранил,
Каплями злого яда, медленно, по одной,
Вспарывая оболочку, я посмотрю на них,
Снадобьями опитых в клетке твоей грудной.

Под влажною крышкой гроба моргает огонь свечи,
Чтоб было моим не страшно утопленникам в ночи.

Вытяни руку к небу, Аркамон, покажи
Жестом тот путь, которым ты из тюрьмы сбежишь.
Ты спишь, но во сне иль смерти ты вклинишься в этот ряд,

Где, кандалы отбросив, каторжники парят.
А там, чтобы каждый выпил позор и тюрьму до дна,
Их встретит пьяная гавань, шатающаяся от вина.

В закрытых черных повозках их привезли не зря,
Выплюнув фейерверком винтовок штыков кокард,
Будет в камере праздник зябким и нежным ноздрям
Из-под одеял дырявых залп зловонных петард.
Детство мое цеплялось за ночь, где горит костер,
Ворочая кипы кадастров шелковым языком,
Но ярче огня и ночи, сияя, шел сутенер
Металась рыжая грива под ласковым ветерком.

Pourtant la biche est prise à son piège de feuille
Dans l'aurore elle égoutte un adieu transparent
Qui traverse ton œil ton cristal et s'éprend
D'une larme tombée dans la mer qui l'accueille.

Un voleur en détresse un voleur à la mer.
Ainsi sombre Harcamone au visage de fer.
Des rubans des cheveux le tirent dans la vase
Ou la mer. Et la mort ? Coiffant sa boule rase
Dans les plis du drapeau rit le mac amusé.
Mais la mort est habile et je n'ose ruser.

Au fond de notre histoire ensommeillé je plonge
Et m'étrangle à ta gorge Harcamone boudeur
Parfumé. Sur la mer comme un pois de senteur
Ton mousse écume fine à sa bouche écornée
Par les joyeux du ciel sur cette eau retournée
Volé même à la mort appelle à son secours.
Ils le vêtent d'écume et d'algues de velours.
L'amour faisant valser leur bite enturbannée
(Biche bridant l'azur et rose boutonnée)
Les cordes et les corps étaient raides de nœuds.
Et bandait la galère. Un mot vertigineux.
Venu du fond du monde abolit le bel ordre.
Manicles et lacets je vis des gueules mordre.
Hélas ma main captive est morte sans mourir.
Les jardins disent non où la biche est vêtue
D'une robe de neige et ma grâce la tue
Pour la mieux d'un linceul d'écume revêtir.
La prison qui nous garde à reculons s'éloigne.
En hurlant sa détresse une immobile poigne

Попавши в капкан соцветья, трепещет и бьется лань
И будет ее прощанье расплескиваться с небес.
Ты станешь последней каплей, которой она стекла,
Чтоб море, сомкнувши волны, укрыло ее в себе.

Скользнувшего в бездну вора тоскливый предсмертный вой,
Сурового Аркамона отдавши на милость волн.
Распластан, пучиной принят, споткнувшись о мокрый шкот,
В угрюмую морду моря вонзится бритой башкой.
Закутавшись в складки флага, он, радостный, станет петь.
Ловчить и хитрить со смертью? Пожалуй. Но не теперь.

А я тону, погружаясь в пучину сонных времен,
И клоочу, задыхаясь в горле твоём, Аркамон.
Душистый горошек в поле, нет, влажный и вязкий мох,
Нет, пеной морской соленой вскипает твой рот немой.
Юнга зовет на помощь, похищен у смерти самой
Небесными штрафниками, как будто военный приз.
Они его облачают в наряд из соленых брызг.
(Запертая в бутоне, роза, кокон порви)
Вальсируют их ширинки, набухшие от любви.
Идет ходуном галера и снасти обнажены.
Их тени тела канаты в узлах и напряжены.
Но из глубины из бездны приходит сигнал отбой.
Я видел: вцепились зубы в рукав, удушая вой.
Ладонь не стерпела плена смертельных моих обид,
Она словно лань проникла в тот сад, что думал о ней.
Она в белоснежном платье. Мне надо ее убить,
Ведь саван из пышной пены пойдёт ей куда сильнеей.
Тюрьма отступает в полночь на цыпочках не дыша
О как от тоски и стужи кричала твоя душа,

À ta vigne me mêle à ta feuille aux sarments
De ta voix Harcamone à ses froids ornements.
Abandonnons la France et sur notre galère...
Le mousse que j'étais aux méchants devait plaire.
Je ramais en avant du splendide étrangleur
Dont le bel assoupi où s'enroulent les fleurs
(Liserons dénoués roses de la Roquette)
Organisait rieur derrière la braguette
Un bocage adorable où volent des pinsons.
La biche s'enfuyait au souffle des chansons
D'un galérien penché sur la corde du songe.

L'arbre du sel au ciel ses rameaux bleus allonge.
Ma solitude chante à mes vêpres de sang
Un air de bulles d'or aux lèvres se pressant.
Un enfant de l'amour ayant chemise rose
Essayait sur mon lit de ravissantes poses.
Un voyou marseillais pâle une étoile aux dents
Dans la lutte d'amour avec moi fut perdant.
Ma main passait en fraude un fardeau de détresse
Des cargaisons d'opium et de forêts épaisses
En vallons constellés, parcourait des chemins
À l'ombre de vos yeux pour retrouver vos mains
Vos poches ce nid d'aigle et la porte célèbre
Où le silence emporte un trésor de ténèbre.
Mon rire se cassait contre le vent debout.
Gencive douloureuse offerte avec dégoût
Aux larves d'un poème écrit sans mot ni lettres
Dans l'air d'une prison où l'on vient de m'admettre.
Dans l'ombre sur le mur de quel navigateur

Когда Аркамона голос — как ураган в леса —
Врывался в твой виноградник, взъерошив листву лица.
На нашей с тобой галере из Франции мы плывем,
Из зябких узоров ночи мы выкарабкались вдвоем.
А я налегал на весла, поглядывая назад,
Где спал прекрасный душитель и видел цветущий сад
(На серых тюремных стенах растрепанные выюнки)
За серым сукном штанины мир представал таким:
Лохматые кроны рощиц и пташек лесных полет,
Где лань убегала в страхе, прислушиваясь, как поет
Мой каторжник что качаясь висел на веревке сна.

Столб соляной ветвится, силясь достать до нас.
Но, заглушенный пеной, неразличим с небес
Мой одинокий голос в хоре кровавых месс.
А на моей постели я узнаю легко
В гибельно-сладких позах розового трико:
Бледный марсельский мальчик выбран судьбой иной,
Он проиграл сражение в любовной схватке со мной.
Мне же стеречь осталось, чтобы бланить химер,
Опиумные запасы в трюмах наших галер.
Млечным Путем прокравшись в сумерки ваших глаз,
Ощупью шаг за шагом я доберусь до вас.
Ваши карманы — гнезда ястребов или сов,
Куда тишина под вечер летает кормить птенцов.
Сбитый порывом ветра смех твой в зубах в горстях
Стиснуть. До боли в деснах до ломоты в костях.
А там, во дворе тюремном, где жимолость дрок и бук,
Личинка стихотворенья написанного без букв.
Какого морского волка, неведомого стране,

Son ongle usé du sel mais juste à ma hauteur
Parmi les cœurs saignants que brouillent les pensées
Les profils les hélas nos armes déposées
Indéchiffrable à qui ne se bat dans la nuit
Où des loups sont les mots aura l'ongle qui luit
Laissé de mes yeux fous la clameur dévorante
Déchirer jusqu'à l'os le nom d'Andovorante ?
Le fier gaillard d'avant qui se cabrait de honte
Était serré de près par le membre d'un comte.
On le cognait brutal des poings et des genoux.
Des mâles foudroyés dégringolaient sur nous.
(Les genoux genoux clairs de lumière et de boue
Les genoux à genoux sur le pont qui s'ébroue
Les genoux ces chevaux qui se cabrent dans l'eau
Les genoux couronnés croupes de matelots)
La rose du soleil s'effeuillait sur les îles.
Le navire filait de mystérieux milles.
On criait à voix basse un ordre où des baisers
Passaient comme des fous sans savoir se poser.
Le fragile reflet d'un incassable mousse
Une eau dormante en moi l'allongeait sur la mousse.
Vos dents Seigneur, votre œil me parlent de Venise !
Ces oiseaux dans le creux de vos jambes de buis !
À vos pieds cette chaîne où ma fainéantise
Alourdit encore plus l'erreur qui m'y conduit !
Tant la guipure parle et le rideau dénonce.
Les vapeurs du carreau tu les cueilles du doigt.
Ton fin sommeil se noue et ta bouche se fronce
Quand se perd ton bel œil sur une mer de toits.
Un gars bien balancé par la vague et le vent

Разъеденный солью ноготь царапает на стене
Камеры средь сердечек со стрелами и голов,
Непристойных рисунков и полустертых слов,
Где рыщут буквы, как волки, проклеываясь из тьмы
В заплесневелом волглом воздухе той тюрьмы,
Как мучительный возглас в облаке серых стен
Слово Андоворанто пронзившее до костей?
Гордец весельчак задира — все в прошлом — зажат в углу,
Скрюченный сгусток плоти, от ужаса слеп и глух.
Раздавленный камнепадом ударов со всех сторон
Коленями кулаками в кричащий кровавый рот.
(Колени омыты светом и грязью рассвет в окне
Колени как мост стоящий по щиколотку в волне,
Колени строптивые кони, рвущиеся из узды,
Колени изгиб галеры на завитке воды).
Солнце осыпалось розой на покрывале тьмы.
Тихо тянул корабль мили свои и узлы,
Тихо звучали команды определяя путь,
И растерялись губы не зная куда прильнуть.
Слабый дрожащий отблеск стлался назад на юг
Лужей воды стоячей, облачком юных юнг.
Мой Господь белозубый мой венецианский дож,
В твоих подколенных ямках птицы гнезда совьют,
А цепь на твоих лодыжках холодная словно дождь,
Тяжелая, как ошибка, из-за которой я тут.
Ты собираешь пальцем теплый влажный парок
Осевший на мутных стеклах, не бодрствуешь и не спишь,
Но кулаки сожмутся твои и скривится рот,
Когда окунешься взглядом в бездонное море крыш.
Парня качает ветер виски и зыбь в порту,

Dans sa gueule ébréchée où je voyais souvent
S'entortiller la pipe à mes jupes de femmes
Ce gars passait terrible au milieu d'oriflammes.
Un chiourme de vingt ans piteux et bafoué
Se regardait mourir à la vergue cloué.

Harcamone dors-tu la tête renversée
La figure dans l'eau d'un songe traversée
Tu marches sur mon sable où tombent en fruits lourds
D'une étrange façon tes couilles de velours
Éclatant sur mes yeux en fleurs dont l'arbre est fée.
Ce que j'aime à mourir dans ta voix étouffée
C'est l'eau chaude qui gonfle ce tambour tendu.
Parfois tu dis un mot dont le sens est perdu
Mais la voix qui le porte est si lourde gonflée
Qu'il la crève il ferait de cette voix talée
Couler sur ton menton un flot de sang lépreux
Mon mandrin fier et plus qu'un guerrier coléreux.
Aux branches d'un jeune arbre à peine rattachées
D'autres fleurs j'ai volé qui couraient en riant
Les pieds sur ma pelouse et mon ombre couchée
Et m'éclaboussant d'eau ces roses s'y baignant.

(Tiges à pleines mains corolles se redressent
Corolles sont de plume et les membres de plomb)
Il sonne un air fatal à leurs vives caresses
Avec l'eau rejetée à coups de fins talons.
Chaudes fleurs qui sortez vers le soir des ruelles
Je suis seul enfermé dans un drapeau mouillé
De ces humides plis de ces flammes cruelles

Он языком качает трубку в беззубом рту,
Сквозь частокол хоругвей и полумрак надежд
Смотрит на яркий кокон женских моих одежд.
Но нелегко поверьте видеть во цвете лет
Корчи собственной смерти, вытянувшейся в петле.

Голову запрокинув, спит Аркамон одет
В водоросли и цепи, дремлет лицом в воде.
Под животом соцветья, и поутру они
Отяготят плодами ветки деревьев-нимф.
Мне до смертельной дрожи нравится голос твой,
Гулкий набухший влагой как барабан тугой.
Слово, чей смысл потерян, ты произносишь вдруг,
Но обвивает голос коконом этот звук
Он, как звереныш дикий, скрылся во тьме норы.
И набухает слово в голосе как нарыв,
Миг — и прорвется с кровью сквозь приглушенный гул
Струйкой по подбородку из онемевших губ.
Мне тоже с деревьев юных случалось срывать цветы
Они врассыпную мчались сквозь заросли и осот,
Бежали смеясь по лугу, задевая кусты,
Топча мою тень ногами и сбрызгивая росой.

(Схватиться рукой за стебель и венчики растрепать
Венчики их из пуха, пестики из свинца)
И колокол похоронный надсадно начнет звучать,
Чтоб музыка долетала брызгами до лица.
Цветы выходят под вечер из улочек и дворов.
Завернут во влажное знамя я тоже стою один.
От ваших намокших складок от жгучих ваших костров

Belles fleurs qui de vous saura me débrouiller ?
Est-il pays si frais que celui de nos rires.
Neige sur les écueils votre langue léchant
Le sel d'algues d'azur sur le ventre et le chant
Vibrant dans votre corps tourné comme une lyre ?

Y poursuivre la biche est un jeu que j'invente
À mesure. On débrouille une reine émouvante
Exilée et si douce à chaque bond cassé
Sous le manteau mouillé d'une biche. Glacé
De respect je retrouve aux bords de ton visage
Une reine captive enchaînée au rivage.
Dormez belle Harcamone assassin qui voulez
Les gorges traverser dans mes souliers ailés.
Sur cet instant fragile où tout était possible
Nous marchions dans l'azur étonné mais paisible.
La galère en désordre était d'une beauté
Moins étrange que douce un visage enchanté
Un air de désespoir accompagnait sa fête.
(Il neigeait quelle paix sur la calme tempête !)
De violons et de valse. Elle avait sur les bras
Tout son fardeau sacré dans un funèbre aura
De colonnes de fûts de cordes et de torses.
L'Océan se tordait sous sa fragile écorce.

Le ciel disait sa messe il pouvait de nos coeurs
Compter les battements. Dure était la rigueur
De cet ordre terrible où la beauté tremblait.
Nous allions en silence à travers des palais
Où la mort solennelle avait passé sa vie.

От вашего смеха — кто же от вас меня освободит?
Наверное, та чужая смеющаяся страна.
Соль водорослей лазурных и снег засыпавший риф
Ты слизывал с влажных бедер, я слышал, песня парит
Дрожащая в вашем теле натянутом как струна,

Изогнутом словно лира, слепящем как грань стекла.
Я выдумал эту забаву — в лесу преследовать лань.
Настигнутая навывлет в прыжке очнется потом
Изгнанницей королевой в сыром от дождя манто.
Окаменев в поклоне, вижу за краем тебя
Пленницу королеву на берегу в цепях.
Спи, Аркамон-убийца, прекрасная словно бог,
Лети сквозь ущелья-глотки в своих крылатых сабо.
Бренным непрочным ломким был этот самый миг,
Нас встречал удивленный, но безмятежный мир,
Но прекрасней чем в лицах судороги страстей,
Гибельные обломки палубы и снастей.
Ноты тоски и муки не заглушали смех
(После спокойной бури падал неспешный снег)
И непонятно было: что это там над ним —
Ноша легла на плечи или слепящий нимб
Над головой. Обрубки торсов канатов лиан.
В хрупкой своей скорлупке корчился Океан.

Небо бубнило мессу. Длился тяжелый путь.
Громко считало небо сбившийся нервный пульс.
Резко неслись приказы, не было им конца.
Шли мы неспешно молча по закоулкам дворца,
Где заселили тени залы и этажи,

De remonter à l'air je n'avais plus l'envie
Ni la force à quoi bon mes amis les plus beaux
S'accommodant du monde et de l'air des tombeaux.
Et tous ces clairs enfants volaient dans la voilure.
Le songe vous portant filait à toute allure.
La guirlande rompue fut par l'amour nouée
Jusqu'aux pieds de la mort et la mort fut jouée.
Je vivais immobile un moment effrayant
Car je savais saisi ce beau monde fuyant
Dans une éternité plus dure et plus solide
Que celle de l'Égypte à peine moins sordide.

On quittait des taureaux par le nœud étranglé
De trois hommes formé. La main du vent salé
Pardonnait les péchés. C'était cette galère
Un manège cassé par un soir de colère.
Et pourtant quelle grâce émerveillait mon œil !
Solennel monument cadavres sans cercueil
Cercueils sans ornements nous étions par le songe
Embaumés empaumés.

Pressez vos mains d'éponge !
À mon torse salé portez vos doigts d'amour.
Je saurai revenir des informes détours.

Brouillard au bout des doigts si je touche à ta robe
Animal tu fondras pour d'air bleu devenir.
Une larme roulant de ton étrange globe
Sur ton pied sec à toi biche se doit munir.

Где до самой кончины смерть прожила всю жизнь.
Снова подняться в небо не было больше сил:
Самых красивых юных отнял холод могил.
Светлые дети ночи плыли как паруса,
Полотнищами сновидений шаркая по небесам.
Это любовь связала звенья моих оков
Порванных. Кто придумал смерть разыграть в очко?
Я затаился замер, но получилось вдруг
Мир ухватить, который все ускользал из рук
В грубую злую вечность, все обращая в тлен.
Тьма египетской ночи мыслей моих светлей.

Мы вырвались из ущелья, живые из груды тел,
Рука соленого ветра крестила нас в темноте
Прощаясь. Плыла галера вперед в грозовой проем
И злился продрогший вечер за сорванный наш маневр.
А все-таки как прекрасен был тот, кто ласкал мой взор.
Лежат мертвецы без гроба, с гроба стерся узор.
Баюкает нас как ветром листву как челнок водой
Как песней песок и пепел.

Тяните ко мне ладонь,
Коснитесь меня такого, в коросте в поту в бреду.
Из сумрачных закоулков я выберусь и приду.

Если я вдруг касаюсь твоей одежды рукой
Туман на кончиках пальцев выступит, а еще
Ты мой зверек растаешь и сделаешься рекой,
Слезой напоившей влагой удивленный зрачок.

La bruyère est si rose approche un éventail
De ta joue un soupir dégonfle le silence.
Le hallier se blottit dans l'ombre au lent travail
Je resterai donc seul. Qui soupire et s'avance

Nuit ? Sur tes bois s'éveille un vaisseau mal ancré
Dans le ciel. Biche fine un doux bruit de ramure
Ton oreille recueille et ton doigt d'air doré
Net cassant cette glace écoute leur murmure...

Grappes d'empoisonneurs suspendus aux cordages
Se bitent les bagnards en mélangeant leurs âges.
De la Grande Fatigue un enfant endormi
Revenait nu taché par le sperme vomi.
Et le plus déchirant des sanglots de la voile
Appareiller cueilli comme un rameau d'étoile
Sur mon cou déposait cœur et lèvres d'un gars
Mettait une couronne achevait les dégâts.
Mes efforts étaient vains pour retrouver vos terres.
Ma tête s'enlisait fétide et solitaire
Au fond des mers du lit du songe des odeurs
Jusqu'à je ne sais quelle absurde profondeur.

Un fracas grec soudain fit trembler le navire
Qui s'effaça lui-même en un dernier sourire.
Une première étoile au ciel d'argot fleurit.
Ce fut la nuit son nom son silence et le cri
D'un galérien charmant connaissant sa demeure
Dans un bosquet plaintif où cette biche pleure
Un être de la nuit dont le froc paresseux

Розовый вереск веер погладит твоё лицо,
Вздохами, как насосом, выкачиваешь темноту.
Уставший ночной охранник свернется в углу кольцом,
Я снова один останусь. Но кто притаился тут?

Ночь? Якорь вцепился в небо, не в силах нащупать дно,
Тонкая лань и нежный шуршащий ветками лес.
Твой палец коснется кромки между лесом и мной,
Прорвет ледяную корку и слушает гул и плеск.

Переплетясь телами стиснутыми висят
Каторжники и матросы гроздьями на снастях.
Проснется усталый мальчик нагим, холодок в спине
Не в пене морской, а в сперме блевотине и слюне.
Навзрыд заходился парус, а там на краю воды,
Болталась галера, словно отломанный луч звезды.
Споткнувшись затихло сердце и — главная из утрат —
Меня покидают губы, как опустошенный край.
А впрочем, напрасны муки, земли не увидеть вам.
Тяжелым зловонным комом вязла моя голова.
В омутах сновидений морей постелей обид.
Вязла до черт его знает каких несуразных глубин.

Когда от грохота вздрогнет корабль и оставшись цел
Сомнется складкой на ткани, улыбкою на лице,
Когда наконец на небе выступит звезд конвой,
В ночном безымянном гулке молчанье раздастся вой
Каторжника, который знает свой срок и век.
В жалобной роще плачет лань. И трепещет ветвь.
И существо ночное, когда отплывать пора,

Baissa le pont de toile à mon libre vaisseau.
La rose d'eau se ferme au bord de ma main bleue.
(L'éther vibre docile aux sursauts de ma queue.
De nocturnes velours sont tendus ces palais
Que traversait mon chibre et que tu désolais
À bondir sans détours jusqu'aux étoiles nues
Parcourant le pied vif de froides avenues)
Sur le ciel tu t'épands Harcamone ! et froissé
Le ciel clair s'est couvert mais d'un geste amusé.
Un cavalier chantait du ciel à la galère
Par les astres gelés le système solaire.

Escaladant la nue et l'éternelle nuit
Qui fixa la galère au ciel pur de l'ennui
Sur les pieds de la Vierge appelant les abeilles ?
Astres je vous dégueule et ma peine est pareille
Harcamone à ta main ta main morte qui pend.
Enroule autour de moi ô mon rosier grimpant
Tes jambes et tes bras mais referme tes ailes
Ne laissons rien traîner ni limes ni ficelles.
Pas de traces sortons sautons dans ces chariots
Que j'écoute rouler sous ton mince maillot.

Mais je n'ai plus d'espoir on m'a coupé ces tiges
Adieu marlou du soir de dix-sept à vingt piges.
Voyage sur la lune ou la mer je ne sais
Harcamone au cou rose entouré d'un lacet.

Ô ma belle égorgée au fond de l'eau tu marches
Portée à chaque pas sur tes parfums épais

Привяжет штаны как парус на мой свободный корабль.
В замерзшей моей ладони сомкнул лепестки цветок
(Пульсирует жезл послушный токам под животом.
Обиты ночным велюром покои дворца, где я
Пронизываю стрелою небесный свод одеял.
А ты холодным проспектом бежишь на тысячу верст,
Не сбившись с пути ни разу до обнаженных звезд).
Вот разлился по небу пасмурному уже
О как нелеп и дерзок сминающий небо жест.
Рыцарь пел на галере о небе, лишенном сил,
Оттаивающем наутро капелью ночных светил.

Взобравшись на ночь нагую, зажавши ее в тиски,
Кто прикрепил галеру на небо моей тоски?
Я извергаю звезды из глотки, я стал никем,
И мука моя подобна твоей Аркамон руке,
Висящей безмолвно плетью мертвой сухой немой.
Оплети мое тело, шиповник выющийся мой.
Прижмись обхвати приникни, только крылья сложи,
Чтоб не нашла охрана напильники и ножи.
Мы выберемся наружу, в повозку вспорхнем легко,
Грохочут ее колеса под тонким твоим трико.

Мне срезали бритвой стебли, вышвырнули во двор,
Прощай мой вечерний спутник мой двадцатилетний вор.
Куда: на луну? На море? Не знаю я ничего.
Шея у Аркамона обмотана бичевой.

С разорванным алым горлом идешь по воде одна
За тобой ароматы разматываются как бинт.

Sur leur vague qui frise et se déforme après
Et tu traverses lente un labyrinthe d'arches.
Dans l'eau de tes étangs de noirs roseaux se traînent
À ton torse à tes bras se noue un écheveau
De ces rumeurs de mort plus fort que les chevaux
Emmêlés l'un dans l'autre aux brancards d'une reine.

Сминаясь и распрямляясь, проносит тебя волна
Сквозь длинный неторопливый арочный лабиринт.
Гасится свет на небе высыпавших огней,
Встали в пруду как стража черные тростники.
Хриплое эхо смерти будет сильнее коней,
Тянущих королевы медленный паланкин.

LA PARADE

ПАРАД

Silence, il faut veiller ce soir
Chacun prendre à ses meutes garde.
Et ne s'allonger ni s'asseoir
De la mort la noire cocarde

Piquer son cœur et l'en fleurir
D'un baiser que le sang colore.
Il faut veiller se retenir
Aux cordages clairs de l'aurore.

Enfant charmant haut est la tour
Où d'un pied de neige tu montes.
Dans la ronce de tes atours
Penchent les roses de la honte.

Тише, надо опять стеречь
Эти сумерки своры волчьей,
И не вытянуться, не лечь,
Не прикрыться кокардой ночи.

Проколи его сердце, пусть
Поцелуй кровавого цвета.
Постарайся вниз не упасть
Удержись на тросе рассвета.

Очарованное дитя,
Поднимись от подножий снежных
Вверх, где розы спасти хотят
Их склонившие стыд и нежность.

On chante dans la cour de l'Est
Le silence éveille les hommes.
Silence coupé d'ombre et c'est
De fiers enculés que nous sommes.

Silence encor il faut veiller
Le Bourreau ignore la fête
Quand le ciel sur ton oreiller
Par les cheveux prendra ta tête.

Тишина поутру слышней
И раскатистей звуков горна.
В ней пророс частокол теней:
Наше племя ублюдков гордых.

На дворе зарю пропоют,
Палачу не знать передышки.
Ночью небо башку твою
Стянет за волосы с подушки.

Dans la nuit du 17 au 18 juin, eut lieu, au camp de la Parade, l'exécution capitale de trente mille adolescents. Des millions d'étoiles, les éclats du mica, du sucre, les ronces, les chèvre-feuilles, les petits drapeaux en papier, les tracts du ciel, la gloire des eaux, les grandes vacances des enfants, le Deuil, l'Absence voulurent apporter leur concours.

Sans le savoir, la presse parla beaucoup de cet enfant qu'un charmeur de serpent enculait, à demi mort dans les cordages.

В ночь с 17 на 18 июня в лагере Парад были казнены тридцать тысяч подростков. Миллионы звезд, осколков слюды, сахара, брызги ежевики, жимолости, бумажные флажки, листовки с неба, водные блики, летние каникулы, Скорбь и Разлука хотели прийти им на помощь.

Не зная об этом, в прессе много писали о мальчике, которого трахал один заклинатель змей, а тот задыхался, стиснутый снастями.

Esclaves d'un péché qui vous maintient en deuil
Vous tordez l'assassin par mes poignets d'écume ;
Ses cris, ses crimes bleus égouttent dans votre œil
L'encre qui vous révèle et de mort vous embrume.

Ô mes pâles larrons, gardez ce fils des dieux,
Qu'il crève ! C'est sa mort votre noir uniforme.

Or l'enfant, sur la paille allonge au fond des cieux,
Ses chevilles de feuille afin qu'elles s'endorment.

Рабы того греха, что в траур нас одел,
Убийцу захватив, вы вздернете на дыбу.
Но кровь его и крик ворвутся в ваш предел
И выльются из глаз, окутав смертной дымкой.

О бледные воры! Дался вам отпрыск божий.
Пусть сдохнет! Смерть его — ваш траурный наряд.

Дитя взметнется вверх и, не противясь больше,
Лодыжки-лепестки сомкнет. Пускай поспят.

Canaille oserez-vous me mordre une autre fois
Retenez que je suis le page du Monarque
Vous roulez sous ma main comme un flot sous ma barque
Votre houle me gonfle, ô ma caille des bois

Ma caille emmitouflée, écrasée sous mes doigts.

Посмейте негодяй меня еще ужалить
Запомните навек монаршьего пажа.
Вы мнетесь под рукой, как волны под баржами,
И вашу зыбь и страх мои колени сжали,

Как в стиснутой горсти дрожащего стрижа.

I

Transparent voyageur des vitres du hallier
Par la route du sang revenu dans ma bouche
Les doigts chargés de lune et le pas éveillé
J'entends battre le soir endormi sur ma couche.

II

Votre âme est de retour des confins de moi-même
Prisonnière d'un ciel aux paresseux chemins
Où dormait simplement dans le creux d'un poème
Une nuit de voleur sous le ciel de ma main.

I

Этот путник прозрачный на фоне ветвей за стеклом
В мой распахнутый рот проникает дорогой кровавой.
Пальцы сжали луну. Я услышу, вздохнув тяжело
Как пульсирует вечер, уснув у меня на кровати.

II

Вот душа вернулась из забвенья,
Пленница небес, чей путь в тени.
Ночь вора в горсти стихотворенья
Спит под небосводом пятерни.

Une avalanche rose est morte entre nos draps.
Cette rose musclée ce lustre d'Opéra
Tombé du sommeil, noir de cris et de fougères
Qu'installe autour de nous une main de bergère,
Celle rose s'éveille !

Sous les haubans de deuil que le conte appareille !
Vibrants clairs du ciel tout parcourus d'abeilles
Apaisez les sourcils crispés de mon boxeur.
Bouclez le corps noué de la rose en sueur.
Qu'il dorme encor. Je veux l'entortiller de langes
Afin de nous savoir cruels dénicheurs d'anges
Et pour que plus étrange et sombre, chez les fleurs
Soit au réveil, ma mort avec faste pleurée
Par ces serpents tordus, cette neige apeurée.
Ô la voix d'or battu, dur gamin querelleur
Que tes larmes sur mes doigts que tes larmes coulent
De tes yeux arrachés par le bec d'une poule
Qui picorait en songe, ici les yeux, ailleurs

Des graines préparées
Par cette main légère ouverte à mon voleur.

Умирает лавина, сошедши меж двух одеял.
Мускулистая роза, чей яркий бутон воссиял.
Этот сон, почерневший от криков и влажного мха,
Оградит от лавины наутро ладонь пастуха.

Эта роза встает!

Мачты в траурных флагах взметнувшись прорвут небосвод,
В небесах завибрирует шмель и рожок запоем.
Над боксером моим вы прольете покой и мечту
Будет роза в росе, в проступившем наутро поту.
Пусть поспит еще. Пусть его минет мученье и гнет
Не будите его, разорителя ангельских гнезд.
Пусть угрюмой и странной проснется к утру моя смерть,
Будет щедро оплакан навеки испуганный снег,
Ощетинившись свитками змей, исторгающий стон.
Ну а ты, беспощадный искатель баталий и ссор,
Ты омоешь мне пальцы слезами любви и обид
Из кровавой глазницы, что курица клювом долбит.
Этим утром, еще не проснувшись, клевала она
То глаза твои, то эту горсть золотого зерна.

Я рассыпал их, вот
На раскрытой ладони своей, мой возлюбленный вор.

Tes pieds bleus traversés d'étoiles et de branches
Tu cours sur mon rivage et bondis dans ma main
Mais ose cet amour que ton rire déclenche
Hardiment le fouler de tes pieds inhumains !

Tu t'éveilles de moi avec leur promptitude
Les spectres de mes dents, pour hanter l'escalier
Si rapide il faut donc Guy que ma solitude
Par toi-même soit toi mon cœur multiplié

Mais pour me parcourir enlève tes souliers.

Твои зябкие ноги в ветвях или звездной пыли
Ты бежишь над рекой и в ладонь мою прыгнешь с откоса.
Ты любовь распалил, а теперь ты ее утоли
Затопчи растерзай оттолкни ее, только не бойся.

Ты проснешься во мне, ты прорвешься сквозь сон и меня,
Ты помчишься по лестнице вверх по отвесной дороге
Так стремительно, что я уже не успею понять
Что в растаяв в тебя я растаю в тебе, как в тревоге.

Но вступая в меня, ты сними башмаки на пороге.

UN CHANT D'AMOUR

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

À LUCIEN SÉNEMAUD

Berger descends du ciel où dorment tes brebis !
(Au duvet d'un berger bel Hiver je te livre)
Sous mon haleine encor si ton sexe est de givre
Aurore le défait de ce fragile habit.

Est-il question d'aimer au lever du soleil ?
Leurs chants dorment encor dans le gosier des pâtres.
Écartons nos rideaux sur ce décor de marbre ;
Ton visage ahuri saupoudré de sommeil.

Ô ta grâce m'accable et je tourne de l'œil
Beau navire habillé pour la noce des îles
Et du soir. Haute vergue ! Insulte difficile
Ô mon continent noir ma robe de grand deuil !

Colère en grappes d'or un instant hors de Dieu
(Il respire et s'endort) soulagé de vous rendre.
Aidé de votre main je crois le ciel descendre
Et tendre déposer ses gants blancs sur nos yeux.

ЛЮСЬЕНУ СЕНЕМО

Пастух, спустись с небес, где спят твои стада!
(Подшерсток пастуха зимой не будет лишним)
Не смог я согреть твой жезл заиндевевший
Дыханием своим, остывшим навсегда.

Любить лишь на заре, не вечером, не днем,
Покуда песни спят еще в пастушьей глотке,
Мы занавес сорвем с их беззащитных, голых,
Оторопевших лиц, припорошенных сном.

Но красота гнетет, как нагруженный трюм
Корабль, который мчит над пенным морем рея
От нижнего винта до верхней точки реи...
Мой черный континент, мой траурный костюм.

Здесь ненависть цветет, как винная лоза
(Он всхлипнет и заснет). Казалось бы, немного
Прожить еще одно мгновение без Бога.
И небо спустится прикрыть мои глаза.

C'est sa douceur surtout qui t'isole et répand
Sur ton front délicat cette pluie de novembre.
Quelle ombre quelle afrique enveloppent tes membres
Crépuscule de l'aube habité d'un serpent !

Valse feuille à l'envers et brouillards égarés
À quel arbre nouez, fleur du vent cette écharpe ?
Mon doigt casse le gel au bois de votre harpe
Fille des joncs debout les cheveux séparés.

Au bord de ma casquette un brin de noisetier
De travers accroché l'oreille me chatouille.
Dans votre cou j'écoute un oiseau qui bafouille.
Et dorment mes chevaux debout dans le sentier.

Caressant l'œil distrait l'épaule de la mer
(Ma sandale est mouillée à l'aile décousue)
Je sens ma main gonflée sous ta chaleur moussue
S'emplir de blancs troupeaux invisibles dans l'air.

Vont paître mes agneaux de ta hanche à ton cou,
Brouter une herbe fine et du soleil brûlée,
Des fleurs d'acacia dans ta voix sont roulées
Va l'abeille voler le miel de leurs échos.

Mais le vert pavillon des rôdeurs de la mer
Doit veiller quelque part, se prendre dans les pôles.
Secouer la nuit, l'azur, en poudrer vos épaules
Dans vos pieds ensablés percer des sources d'air.

Рука утишит боль, но и закроет свет.
В глубь Африки взглянуть, как в глубину колодца.
Ноябрьского дождя секущие полозья
Оставили на лбу витой змеиный след.

Изнанками листвы здесь выстлана тропа,
Запутался в ветвях тумана клочок иль шарфа...
От пальца моего на деке вашей арфы
Отдает островок, взметнется влажный пар.

Орешник-стебелек в фуражку впился мне.
Откуда взялся он? и ухо мне щекочет,
И птица у щеки бессвязное бормочет,
И стоя кони спят, и фыркают во сне.

В сандалии моей оторвалось крыло.
Они намокли так, что не взлететь — вот жалость!
Зато моя ладонь набухла мшистым жаром
И тянется туда, где в воздухе бело.

От твоего бедра в глубь твоего тепла
Веду пасти ягнят в ложбины и пригорки.
Цветки акации в твоём клокочут горле.
Мед отголосков их лети собирать, пчела.

Моих морских бродяг зеленые огни
Должны ведь где-то быть, не выдумка же это.
Баюкать вашу ночь, согреть, как плечи пледом,
И ветром обдувать усталые ступни.

Pour me remonter nu sur de bleus escaliers
Solennels et sombrant dans ces vagues de rêves
Las de périr sans fin à deux doigts de mes lèvres
L'horizon s'endormait dans vos bras repliés.

Vos bras nus vont hennir écartelant ma nuit.
Damiens ces noirs chevaux éventrent l'eau profonde.
Au galop m'emportez centaures nés du ventre.
Bras d'un nègre qui meurt si le sommeil me fuit.

J'ai paré de rubans, de roses leurs naseaux,
De chevelure encor aux filles dépouillées,
J'ai voulu caresser leur robe ensoleillée
De mon bras allongé au-dessus du ruisseau !

Votre épaule rétive a rejeté ma main :
Elle meurt désolée à mon poignet docile :
Main qui se hâte en vain coupée, mais plus agile
(Les cinq doigts d'un voleur aux ongles de carmin).

Tant de mains sur le bord des chemins et des bois :
Auprès de votre col elle aimait vivre nue
Mais un monstre à vos yeux à peine devenue
Sur ma main le talon je baiserais vos doigts.

Fusillé par surprise un soldat me sourit
D'une treille de sang sur le mur de chaux blanche.
Le lambeau d'un discours accroché dans les branches,
Et dans l'herbe une main sur des orteils pourris.

Чтоб голого, меня по трапу нес, шутя,
Корабль, что вот-вот умрет, вонзившись в дюны.
И горизонт заснет от губ моих в двух дюймах,
Как в сложенных руках сомлевшее дитя.

Но руки будут жить, летать и чувствовать боль,
Живое существо ржать, раздирая полночь.
Рожденный чревом, мне кентавр спешит на помощь.
Мой верный черный конь. Мой негритянский бог.

Я в гривы их вплетал цветы и жемчуга,
Их ноздри целовал, и украшения ладил.
И, руку протянув над озером, я гладил
Вздымающиеся атласные бока.

Вы сбросили мою ладонь, ушедши в тень,
И, безутешная, она умрет в печали,
Отвергнута строптивыми плечами.
(Пять пальцев воровских — карминовых ногтей).

О сколько верных рук отброшено толчком,
Усталые враги, поникшие мишени...
Она любила жить, обвивши вашу шею.
Теперь моя рука распята каблуком.

Мне улыбается расстрелянный солдат
Из красного окна на известковой стенке,
На ветке лист повис, как висельник на стенке,
И кисти рук в траве, как два цветка, лежат.

Je parle d'un pays écorché jusqu'à l'os.
France aux yeux parfumés vous êtes notre image.
Douce comme ses nuits, peut-être davantage
Et comme elles, blessée ô France, à demi-mot.

Lente cérémonie au son de vingt tambours
Voilés. Cadavres nus promenés par la ville.
Sous la lune un cortège avec cuivres défile
Dans vos vallons boisés, au moment des labours.

Pauvre main qui va fondre ! Et vous sautez encor
Dans l'herbe. D'une plaie ou du sang sur les pierres
Qui peut naître, quel page et quel ange de lierre
M'étouffer ? Quel soldat portant vos ongles morts ?

Me coucher à ces pieds qui défrisent la mer ?
Belle histoire d'amour : un enfant du village
Aime la sentinelle errante sur la plage
Où l'ambre de ma main attire un gars de fer !

Dans son torse, endormie — d'une étrange façon
Crémeuse amande, étoile, ô fillette enroulée
— Ce tintement du sang dans l'azur de l'allée
C'est du soir le pied nu sonnant sur mon gazon.

Cette forme est de rose et vous garde si pur.
Conservez-la. Le soir déjà vous développez
Et vous m'apparaissez (ôtées toutes vos robes)
Enroulé dans vos draps ou debout contre un mur.

Я вою из страны, где кожа содрана
До мышц, и до костей, и в ране кровь клокочет.
Прекрасная, как ночь, еще прекрасней ночи,
О Франция, каким ты словом сражена?

Свой медленный обряд спешит свершить заря.
Строй голых мертвецов, в коросте, в пятнах бурых...
Но будит по утрам гром двадцати тамбуров,
В рассветные часы на пахоту зовя.

Несчастливая рука растаяла, прощай.
Из раны и на камне пятен крови
Что может вырасти? и кто родиться, кроме
Тебя: мой ангел, мой палач, мой паж плюща?

Мне лечь у этих ног, что теребят волну?
История любви: жил деревенский мальчик,
Смотрел, как часовой на берегу маячит,
И как янтарь руки, светясь, идет ко дну.

В уснувшем теле — что выделяет сон?
Миндалевидных звезд молочно-желтый лепет...
— Пульсация крови в лазурной мгле аллеи —
Лишь всхлип босой ступни о влажный мой газон.

Меж розой и тобой есть сходство или связь:
Ведь так же, как ее, тебя раскроет вечер.
От тяжести одежд освободивши плечи,
Останься у стены и стой, не шевелясь.

Ose ma lèvre au bord de ce pétale ourlé
Mal secoué cueillir une goutte qui tombe,
Son lait gonfle mon cou comme un col de colombe.
Ô restez une rose au pétale emperlé.

Épineux fruits de mer m'écorchent tes rayons.
Mais l'ongle fin du soir saura fendre l'écorce.
Boire ma langue rose à ces bords toute force.
Si mon cœur retenu dans l'or d'un faux chignon

Je roule sous la mer et ta vague au-dessus
Travaille ses essieux tordus par tes orages
Pourtant j'irai très loin car le ciel à l'ouvrage
Du fil de l'horizon dans un drap m'a cousu.

Autour de ta maison je rôde sans espoir.
Mon fouet triste pend à mon cou. Je surveille
À travers les volets tes beaux yeux ces charmilles
Ces palais de feuillage où va mourir le soir.

Siffle des airs voyous, marche le regard dur,
Dans les joncs ton talon écrasant des couvées
Découpe dans le vent en coquilles dorées
L'air des matins d'avril et cravache l'azur,

Mais vois qu'il ne s'abîme et s'effeuille à tes pieds
Ô toi mon clair soutien, des nuits la plus fragile
Étoile, entre dentelle et neige de ces îles
D'or tes épaules, blanc le doigt de l'amandier.

Помедли, мой язык, у бархатистой кромки.
И капелька росы, как шею — молоком,
Как звонким клекотом — гортанный клюв голубки,
Наполнит твой бутон с жемчужным лепестком.

Колючий еж морской мне раздирает кожу,
И коготок зари мою расколет грудь.
А сердце дернется, как прикрепленный груз
На якорной цепи, на поплавок похожий.

Я кубарем качусь с волной вперегонки,
Раскрытым ртом ловлю меж ураганов продых.
Но буду плыть вперед, и горизонта провод
Мне шею захлестнет, ломая позвонки.

В отчаянье кружу у твоего порога.
На шее, как змея, висит поникший кнут.
А ты следишь за мной из своего чертога
Из высохшей листвы, где сумерки умрут.

Насвистывай мотив, что в тростнике остался,
Стегай хлыстом лазурь, набухшую свинцом,
Пронзи ее стрелой, чтоб небосвод прорвался,
Нависший, как каблук, над выводком птенцов.

Но разглядеть сумей, измученный скиталец,
Среди опавших звезд, осыпавшихся слов:
Кому теперь грозит миндально-белый палец
Меж кружевом небес и снегом островов.

LE PÊCHEUR DU SUQUET

РЫБАК ИЗ СЮКЕ

Une complicité, un accord s'établissent entre ma bouche et la queue — encore invisible dans son short azur — de ce pêcheur de dix-huit ans ;

Autour de lui le temps, l'air, le paysage devenaient indécis. Couché sur le sable, ce que j'en apercevais entre les deux branches écartées de ses jambes nues, tremblait.

Le sable gardait la trace de ses pieds, mais gardait aussi la trace du paquet trop lourd d'un sexe ému par la chaleur et le trouble du soir. Chaque cristau étincelait.

— Comment t'appelles-tu ?

— Et toi ?

Depuis cette nuit le voleur aime tendrement l'enfant malicieux, léger, fantasque et vigoureux dont le corps fait frissonner, à son approche, l'eau, le ciel, les rochers, les maisons, les garçons et les filles. Et la page sur quoi j'écris.

Ma patience est une médaille à ton revers.

Une poussière d'or flotte autour de lui. L'éloigné de moi.

Согласие и тайное сообщничество между моим ртом и дротиком — еще незаметным в коротких лазурных штанах — этого восемнадцатилетнего рыбака;

Вокруг него — неясные очертания времени, воздуха, пейзажа. Он лежал на песке, и я видел, как трепетало нечто меж раскинутыми ветвями обнаженных ног.

На песке оставались следы его ступней, а еще след этого слишком тяжелого бутона, разомлевшего от жары и разлитой в вечернем воздухе тревоги. Каждый кристаллик песка искрился.

— Как тебя зовут?

— А тебя?

С этой самой ночи вор нежно любит мальчика хитрого, проворного, своенравного и сильного, чье тело заставляет трепетать в ознобе воду, небо, скалы, дома, мужчин и девиц. И страницу, на которой я пишу.

Мне медаль за терпенье, где на реверсе — ты.

Золотая пылинка парит вокруг него. Отдаляет его от меня.

Avec le soleil de votre visage vous êtes plus ténébreux qu'un gitan.

Ses yeux : parmi les chardons, les épines noires, la robe vaporeuse de l'automne.

Sa queue : mes lèvres retroussées sur mes dents.

Ses mains éclairent les objets. Les obscurcissent encore.
Les animent et les tuent.

Le gros orteil de son pied gauche, à l'ongle incarné, quelquefois fouille ma narine, quelquefois ma bouche. Il est énorme mais le pied, puis la jambe y passeraient.

Солнце вашего лица делает вас похожим на цыгана —
сумрачного и угрюмого.

Его глаза: черные шипы в зарослях чертополоха, подернутое
дымкой платье осени.

Его дротик: мои губы распялены на зубах.

Его руки озаряют предметы. А еще затемняют их. Оживляют и
убивают их.

Толстый большой палец левой ноги с вросшим ногтем щекочет
то мои ноздри, то рот. Он огромный, но еще больше ступня, а
еще больше нога.

Tu veux pêcher à la fonte des neiges
Dans mes étangs de bagues retenus
Ah dans mes beaux yeux plonger tes bras nus
Que d'acier noir deux rangs de cils protègent
Sous un ciel d'orage et de hauts sapins
Pêcheur mouillé couvert d'écailles blondes
Dans tes yeux mes doigts d'osier mes pâles mains
Voient les poissons les plus tristes du monde
Fuir, de la rive où j'emiette mon pain.

Tremble. Au sommet de toi seul balancé
Ton talon rose accroche à la ramure
Le soleil levant. Tremble ton murmure
Frissonne sur mes dents. Tes doigts cassés
Peignent l'azur et déchirent l'écorce
Ô tremble qui te fait doux et frangé
De neige. Érige, exige ce torse
Blessé profond mais de plume allégé.
À s'épanouir mes lèvres le forcent.

Quand le soleil allume la bruyère
Lentement sur vos pentes beaux mollets
Je vais par les rocs d'où tu me parlais
Spahi blond à genoux dans la lumière.

Иди рыбачь в растаявших снегах,
В моих прудах, где лед уже расколот,
В моих глазах за черным частоколом
Ресниц, отгородившись от врага.
Под грозовым, в лохмотьях сосен, небом
Рыбак промокший у скалистых глыб.
Я с берега бросаю крошки хлеба,
И стайки самых грустных в мире рыб
Метнутся в страхе, не приняв игры.

Раскачиваясь на ветру, дрожи,
Цепляй за ветки солнце грузом тяжким,
Уйми свой шепот, к горлу приложив
Разбитых пальцев алые костяшки.
Пригладь лазурь и корку разломи,
Чтоб выпростаться из объятий снежных,
Чтоб появиться хрупким слабым прежним.
Ты, раненый, но с опереньем нежным
У губ моих дыхание возьми.

А если солнце вереск озарит,
Изгиб лодыжек на промокших травах,
Иду, пока со мною говорит
Твой голос белокурого зуава.

Un serpent s'éveille à la voix des morts.
Sous mon pied crevé des perdrix s'envolent.
Au couchant je verrai les chercheurs d'or
Faire leur travail sous la lune folle.
Les briseurs de tombeaux tirer au sort.

Que d'ombre à tes pieds tes souliers vernis !
Tes pieds glacés dans mes étangs de larmes
Tes pieds poudrés et déchaussés de Carme
Éclaboussés de ciel tes pieds bénis
Marqueront ce soir mes blanches épaules
(Forêts que la lune peuple de loups)
Ô mon pêcheur à l'ombre de mes saules,
Bourreau couvert d'étoiles et de clous
Debout, tenu par le bras blanc du môle.

À l'arbre vert dressé — ton front penché
(Animal d'amour arbre d'or à deux têtes)
Sur son feuillage — enlacé chaude bête
Par un seul pied tu restes accroché,
Sonne dans l'azur une valse lente
À l'harmonica mais tes yeux voient-ils
Du mât de misaine une aube étonnante ?
Ô pêcheur nu de l'arbre au cœur subtil
Descends, descends, crains mes feuilles qui chantent.

Adieu Reine du Ciel, adieu ma Fleur
De peau découpée dans ma paume.
Ô mon silence habité d'un fantôme,
Tes yeux, tes doigts, silence. Ta pâleur.

Заслышав мертвых, змейка вострепнется,
Из-под ступни вспорхнет семейство птиц.
Лишь золотоискатель остается
Ждать в сумерках над бездною колодца.
Пируют осквернители гробниц.

Заледеневших ног не чувствуешь, пока
На них ложится тень насквозь промерзшим пледом,
И голые ступни, забрызганные небом,
В наплаканных прудах растают ото льда.
Баюкаю петлю, как люльку по ночам
(Луна запустит в лес испуганных волчат)
Уже уснул рыбак в тени прибрежной глыбы.
За плечи приобняв, удержит палача
Пленительный изгиб молочно-белой дыбы.

Упрямый купол лба склонивши вниз
(Тот двухголовый зверь в любви сплетенный)
Среди листвы неразличимый, темный
Одной ногою на ветвях повис.
Звучит в лазури медленный мотив
Гармоники. Но острым взглядом лисьим
С фок-мачты горизонты охватив
Рыбак усталый, сердце укротив,
Спустишь, страшась моих поющих листьев

Царица ночи, мой цветок, прощай
Из кожи окровавленный, капризный.
О тишина, где обитает призрак
Не ведая прощений и пощад.

Silence encor ces vagues sur les marches
Où chaque fois ton pied pose la nuit.
Un angélus clair tinte sous son arche.
Adieu soleil qui de mon cœur s'enfuit
Sur une atroce et nocturne démarche.

Mon pêcheur descendait le soir des maisons bleues
Et je le recevais sur mes deux mains tendues.
Il souriait. La mer nous tirait par les pieds.
Pendus à sa ceinture et les cheveux mouillés
Une grappe dorée de huit têtes de filles
(Sa ceinture est cloutée et sous la lune brille)
Le reproche dans l'œil, s'étonnaient de leur mort.
Le pêcheur se mirait dans le ciel, près du port.

Enfouis sous vos pieds les trésors de la nuit
Sur des chemins de braise allez en souplesse.
La paix est avec vous.
Dans les orties, les ajoncs, les prunelliers, les forêts
votre pas

Dépose des mesures de ténèbres.
Et chacun de vos pieds, chaque pas de jasmin
M'ensevelit dans une tombe de porcelaine.
Vous obscurcissez le monde.

Les trésors de cette nuit : l'Irlande et ses révoltes,
les rats musqués fuyant dans les landes, une arche
de lumière, le vin remonté de ton estomac, la
noce dans la vallée, au pommier en fleur un

А тишина накатится волной
Все выше: до лодыжек, до колена,
И ангелус раздастся под луной.
Прощай, заря, сбежавшая из плена
Своей жестокой поступью ночной.

Спускается под вечер мой рыбак
Мне прямо в руки из своей каморки.
Он улыбался. Нас тащило море
За волосы за ноги в полумрак.
Голов девичьих золотая гроздь
(На поясе подвешены молчали)
В их взорах удивление и грусть.
Рыбак смотрелся в небо на причале.

Под вашими ногами зарыты сокровища ночи
Идите осторожно по дороге из раскаленных углей.
Мир с вами.
В зарослях крапивы, утесника, терновника,
в перелесках вы шагаете жасминовой походкой

Отбивая ритм сумерек.
И каждым своим шагом
Засыпаете меня в фарфоровой могиле.
Вы затемняете собой мир.

Сокровища этой ночи: Ирландия с ее бунтами
ондатры шныряющие по песчаным ландам, свод
света, вино поднимающееся из твоего желудка, еще
свадьба в долине, на цветущей яблоне какой-то

pendu qui se balance, enfin cette région que
l'on aborde le cœur dans la gorge, dans ta culotte
protégée d'une aubépine en fleur.
De toutes parts les pèlerins descendent.
Ils contournent tes hanches où le soleil se couche,
Gravissent avec peine les pentes boisées de tes cuisses
Où même le jour il fait nuit.

Par d'herbeuses landes, sous ta ceinture
Débouclée nous arrivons la gorge sèche
L'épaule et les pieds las, auprès de Lui.
Dans son rayonnement le Temps même est voilé

d'un crêpe au-dessus duquel le soleil, la lune,
et les étoiles, vos yeux, vos pleurs brillent peut-être.
Le Temps est sombre à son pied.
Rien n'y fleurit que d'étranges fleurs violettes
De ces bulbes rugueux.
À notre cœur portons nos mains jointes
Et les poings sur nos dents.

Qu'est-ce t'aimer ? J'ai peur de voir cette eau couler
Entre mes pauvres doigts. Je n'ose t'avaler.
Ma bouche encor modèle une vaine colonne.
Légère elle descend dans un brouillard d'automne.
J'arrive dans l'amour comme on entre dans l'eau,
Les paumes en avant, aveuglé, mes sanglots
Retenus gonflent d'air ta présence en moi-même
Où ta présence est lourde, éternelle. Je t'aime.

висельник болтается, и это место к которому
добираются сдерживая рвотные позывы, в твоих штанах
защищенных частоколом цветущего боярышника.
Отовсюду высаживаются паломники.
Они огибают твои бедра где заходит солнце,
С трудом карабкаются по лесистым склонам твоих бедер
Где даже днем — ночь.

По заросшим травой ландам, под твоим расстегнутым
Поясом мы с пересохшей глоткой
С уставшими плечами и ногами оказываемся возле Него.
В своем сиянии даже Время затянато

крепом над которым сияют — а может и нет —
солнце, луна, звезды и ваши слезы.
Пасмурное время у ваших ног.
Там цветут лишь странные фиолетовые цветы
Выплеснувшиеся из шероховатых луковиц.
Поднесем к сердцу соединенные ладони
А к зубам кулаки.

Как мне тебя любить? ни выпить ни обнять
Как влага проскользнешь меж пальцев у меня.
Мой рот пытался сжать твой стебель, но уже
Он таял словно дым в сентябрьском мираже.
А я вхожу в любовь, как входят в воду, но
Ослепнув оробев опять теряю дно.
Я в воздухе твое присутствие ловлю.
Ты вечен. Ты тяжел. А я тебя люблю.

Mais il fond dans ma bouche. N'est-ce qu'un vers. Pour quelle fille et quel jardin? Quel rêve l'assoupit, le roule en lui-même, délicatement le tourmente, lui donne cette lente, molle colique ?

— Tu me dédaignes ?

Mais quelle tendresse ne doit-il appeler à lui pour retrouver ici ce qu'ailleurs lui offrent à profusion ses rêves ! Quels bouquets de fleurs coupées, jetées, pour oublier ses bosquets !

Je caresse la petite masse de chair, penaude, qui se blottit dans ma main, et je regarde tes yeux : j'y vois très loin l'animal tendre qui donne cette tendresse à ta queue.

Tu essayes de remonter jusqu'à moi. Quelques vagues y parviennent. Cette écume à tes yeux le prouve. Mais le plus grave de toi reste dans tes profondeurs. Et c'est là que tu sombres.

Si je prête l'oreille, j'entends ta voix m'appeler, mais elle est si bien entortillée au chant des sirènes que je ne saurais la démêler pour la tirer pure jusqu'à mon oreille.

Что-то тает у меня во рту. Всего лишь стихотворение. Для какой-нибудь девушки или сада? Какая мечта усыпляет его, баюкает, осторожно терзает и мучит, червоточит и кровоточит, заставляет испытывать такую мягкую, бархатисто-нежную резь?

— Тебе со мной неприятно?

Какая нежность должна к нему воззвать, чтобы именно здесь он обрел то, что обычно получает только во сне? Какие майские рощи заставят позабыть райские кущи?

Я ласкаю маленький комок смущенной плоти, который свернулся клубочком в моей руке, и смотрю в твои глаза: там, где-то очень далеко, я вижу нежное животное, тискающее твой жезл.

Ты пытаешься добраться до меня. Несколько всплесков волн — и тебе это удастся. Я это понимаю, когда вижу, как в твоих глазах появляется пена. Но самое важное, самое главное в тебе так и остается в твоих глубинах. И ты погружаешься в свои бездны.

Если напрячь слух, я слышу, как меня зовет твой голос, но он оплетен пением сирен, как пряжей водорослей, и я, наверное, не смогу их распутать, чтобы твой голос дотянулся до моего уха.

Pourtant je ne t'abandonnerai pas.

— Il se retire ?

Il se retire en moi.

Tous ses baisers d'excuses ajoutent encore à la nuit qui s'installe en moi et autour de moi.

Meurs de mes mains. Meurs sous mes yeux.

Je dois rendre la situation le plus obscure possible (et tendue à craquer) afin que le drame soit inévitable, afin que nous le puissions mettre sur le compte de la fatalité.

Un sang noir déjà coule de sa bouche et de sa bouche ouverte sort encore son blanc fantôme.

LE VOLEUR

Où la nuit se dévêt mais travaille à ses fleurs
Les poings clairs du boucher ont retenu ma rose.
Ô nuit de cet enfant découvert sous mes pleurs
Organise un poème où sa verge est enclose.

LA NUIT

Mes trésors dévidés par ses maigres phalanges
Jusqu'aux talons coulaient dans ton divin sommeil
Et ton souffle voilait la plainte des mésanges
Voleur saignant du nez sur mes ongles vermeils !

И все-таки я тебя не брошу.

— Он отступает?

Отступает в меня.

Все эти виноватые поцелуи делают еще темнее ночь, которая сгущается во мне и вокруг меня.

Умри от моих рук. Умри на моих глазах.

Я должен все затемнить и запутать как можно больше, чтобы напряжение стало невыносимым, чтобы трагедия стала неизбежной, чтобы мы смогли обвинить в ней судьбу.

Черная кровь уже льется у него изо рта, и еще из его открытого рта выходит белый призрак.

ВОР

Раздевается ночь, приговарывая к рождению цветка,
Кулаки мясника обовьют мою розу за стебель.
Ночью стихотворение стиснет ребенка, пока
Он раскинувшись и не прикрывшись лежит на постели.

НОЧЬ

Горсть сокровищ моих просыпалась меж пальцев его,
В твой божественный сон просочившись как влага из ночи.
И дыханье сбивалось на жалобы птичьи. А вор
Капал кровью из носа мне на пурпурные ногти.

LE VOLEUR

Le vent passe à pas lents sans m'atteindre. On me tue.
On me tue mal. J'ai peur. Ô venez sans danger
Par les prés matinaux verge belle et têtue
Apportez-moi la mer et l'aube des bergers.

L'ARBRE

De ma prison voleur s'échappent si tu passes
Frémissant à mon pied des bataillons bouclés.
Ne résiste mon cœur, mes branches se délaçant.
Je te sais expirant, par leurs bottes foulé.

LE VOLEUR

Il s'éveille parfois pour visiter mes poches
Il me vole et déjà du poison menacé
Mon aigle le surveille et sur de hautes roches
L'emporte et le dérobe au creux de mon passé.

L'ARBRE

Des éclairs pleins les mains ton beau rayon me brise.
On veut que foudroyé je le sois par vos jeux
Voleur ta main trop vive à son tour sera prise
Un arbre s'est paré d'un destin courageux.

LE VOLEUR

À chacun de mes doigts une feuille qui bouge !
Tout ce désordre vert un feuillage émouvant.

ВОР

Ветер дует так тихо, за мной не угнаться ему.
Здесь меня убивают. Мне больно. Мне страшно. Послушай,
Через утренний луг через жалобный щебет в тюрьму
Принеси океан и рассвет этот ранний пастуший.

ДЕРЕВО

Из тюрьмы убегают, заслышав призыв батальоны,
Если ночью мой вор осторожно пройдет по двору.
Я распутав листву расшнурую и сердце и крону,
Ты затоптанный их башмаками умрешь поутру.

ВОР

Иногда он проснется, обшарит карманы в ночи,
Он меня обворует сотрет опоит одурачит.
Но не спит мой орел, он подхватит его и умчит
И в глубокой ложбине на дне моей памяти спрячет.

ДЕРЕВО

Руки полные молний, я снова расколот тобой,
Как прекрасным лучом. Вы со мной поиграть захотели.
Это дерево будет украшено дерзкой судьбой,
Переливчатой как мишура на рождественской ели.

ВОР

Зеленый кавардак, трепещущая крона.
На пальце у меня шевелится листок!

Le front du ravisseur de pâle devient rouge
Dans ses boucles frissonne une étoile au Levant !

LA NUIT

Mais de qui parlez-vous ? Les pêcheurs se retirent
Comme la mer au fond de l'abîme, leurs yeux.
La marée est exacte et cette écume au rire
Remontée est pour vous un signe précieux.

L'ARTILLEUR

Les pieds entortillés de chaussettes de laine
Dans mes houzeaux de cuir je traverse les bois.
Ni la mer ou ta merde et non plus ton haleine
Voleur pour empêcher que tout tremble sous moi.

LE VOLEUR

Vous êtes hypocrite immortelle écuyère
En robe d'organdi sur un cheval blessé !
En pétales perdus vos beaux doigts s'effeuillèrent
Adieu mon grand jardin par le ciel terrassé !

И бледный лоб вора становится багровым.
В кудрях дрожит звезда и смотрит на Восток.

НОЧЬ

Но о ком вы? Отхлынув от берега встанут мои рыбаки.
Их глаза западают как море во время отлива.
Эта пена веселья с волною наперегонки
Поднималась для вас, словно знак драгоценный
счастливый.

АРТИЛЛЕРИСТ

Ноги в теплых носках шерстяных и пружинящий мох,
Я иду через лес в черных крагах подобный герою.
Ни дыханье твое ни дерьмо ни ярмо ни клеймо
Не мешают мне вор ощущать эту дрожь под собою.

ВОР

Притворщица наездница, накинь
На плечи тюль прозрачный будто невод.
И пальцы опадут, как лепестки
Прощай, мой дивный сад сраженный небом.

Ainsi je reste seul, oublié de lui qui dort dans mes bras. La mer est calme. Je n'ose bouger. Sa présence serait plus terrible que son voyage hors de moi. Peut— être vomirait-il sur ma poitrine.

Et qu'y pourrais-je faire ? Trier ses vomissures ?
Y chercher parmi le vin, la viande, la bile, ces violettes et ces roses qu'y délayent et délient les filets de sang ?

И вот я остаюсь один, забытый тем, кто спит у меня в объятиях. Море успокоилось. Я не решаюсь пошевелинуться. Наверное, останься он со мной, это было бы страшнее, чем его уход от меня. Может быть, его вырвало бы мне прямо на грудь.

И что мне тогда делать? Сортировать рвотные массы? Искать среди вина, мяса, желчи эти фиалки и розы, опутанные и окутанные струйками крови?

Des lames de feu, des fleurets brisés !
La mer me travaille où la lune veille.
Le sang dans la mer fuit de mon oreille.
Pêcheur mélancolique ô vos yeux baissés
Vos yeux plombés dans leur ciel de voyage
Crèvent encor sans pitié mes abcès
Car je m'écoule et deviens marécage
Où va la nuit bleuir les feux follets
Langue de feu qui veille mon passage.

Как лезвие ножа, бездушное немое
Неспящий серп луны над волнами повис.
Стучащая в висках кровь вытекает в море,
Печальный мой рыбак глядит на небо вниз.
Свинцовые глаза не отпускают. Пусть
Недужная любовь нарывами прорвется,
Я истекаю, став трясиною болотцем.
Через шальной огонь идти в ночи придется.
Мне огненный язык вылизывает путь.

POÈMES RETROUVÉS

НАЙДЕННЫЕ СТИХИ

Dans l'antre de mon œil nichent les araignées
Un pâtre se désole à ma porte et des cris
S'élèvent de la feuille angoissée où j'écris
Car mes mains sont enfin de mes larmes baignées.

На дне моих глазниц гнездятся пауки
Их пестует пастух, к двери моей приникши
И слезы из листка вдруг брызнут как из ниши
Фонтана, оросив ладонь моей руки.

Près du camp sous les remparts, dans les fossés, d'un pylône à l'autre, sur les cailloux, dans l'ombre, dans la vase, sur mes lèvres, mon miroir, dans la suie des usines, dans les pêchers, dormait un enfant, jeune acrobate en haillons, à qui le ciel adressait des signes que lui seul pouvait capter. Quand il revint à la ville, on ne voulut rien croire de sa terrible inconséquence. Très longtemps, il garda sur son ventre blanc l'éraflure d'un ongle aigu.

Возле лагеря под крепостными стенами, во рвах, на поваленных пилонах, на щебенке, во мраке, в тине, на моих губах, как мое отражение, в заводской копоти, в персиковых ароматах, спал мальчик, юный акробат в лохмотьях, и небо посылало ему сигналы, которые только он один и мог уловить. Когда он вернулся в город, ему никто не захотел поверить, никто — что он так ужасно, так необдуманно поступил. А он еще долго хранил и оберегал на своем белом животе царапину, оставленную острым ногтем.

LA ROSE Crime

Elle crie.

Où l'abeille s'englue. Je l'

ETOILE

Jeune étoile de soufre.

L'écran fut occupé soudain par la poitrine de l'étoile. Corsage de velours noir. Dans l'échancrure, sous mon nez et mes yeux à vingt fauteuils de là une rose artificielle s'imposa. Puis apparurent au bas de cette rose, juste à la place du cœur de l'étoile, précédés de trois points de suspension, ces mots :

... J'AI CRIÉ

РОЗА Кричит
криком

На лепестке приклеилась пчела.

Я раздираю розу на лепестки, получается

ЗВЕЗДА

Юная серая серная звезда

Во весь экран вдруг появилась грудь звезды. Корсаж из черного велюра. В вырезе под моим носом и глазами, совсем близко, всего за двадцать рядов кресел, расцвела искусственная роза. А потом внизу, под розой, как раз на том месте, где у звезды должно было находиться сердце, проступили эти слова после многоточия:

...Я ЗАКРИЧАЛ

— AVOUEZ !

Messeigneurs de la Cour...

L'aveu du meurtre se trouvera contenu dans l'effroyable confusion, dans le désastre résultant de la rencontre brutale d'une rose et d'une étoile. À travers les éclats recollés, traversés d'une abeille, le meurtre était visible.

— ПРИЗНАВАЙТЕСЬ!

Господа судьи...

Признание в убийстве прозвучало в ужасном смятении и неразберихе, это была катастрофа, вызванная внезапной встречей розы и звезды. Сквозь вспышки-стежки пчелы, снующей с луча на лепесток, убийство сделалось зримым.

Capitale endormie au soleil de la nuit
Ô ma poitrine ouverte ô lune tes cymbales
D'un coup sourd et mortel éveillent ces crotales
Qui chanteront nos morts oubliés dans les puits.

Tzigane sous la neige ALBERTO des lointains
Souvenez-vous des nuits dans notre val de grâce
Où les reptiles noirs sur vos bras de menace
Écoutaient éblouis les ordres du matin.

На солнце в полночь городок проснется,
Прорвется грудь и зазвонят на ней
Литаврами клубок гремучих змей
Во славу мертвецов на дне колодца.

Цыган АЛЬБЕРТО из далеких дней,
Ты помнишь ночи длинные их тени,
Твои ладони, полные рептилий,
Боялись первых утренних огней.

Cette étrange rosace orne d'un sceau fatal
La chambre. Une ancre d'or griffe le sang du vide.
Un insecte a mordu l'éternité livide.
DIVINE épouse morte un sommeil végétal.

Morte. Morte étranglée. Ô fleur de nos contrées
Laissez couler vos pleurs sur ses hanches de houx
Mésanges vos nids bleus faites-les sur son cou
Et vous, mes nuits portez divine la Dorée

Этот круглый витраж — роковая печать на стене
Моей комнаты. Якорь до крови пронзил бесконечность.
И комар покусал эту мертвенно-бледную вечность.
Умирает ДИВИН, задохнувшись от боли во сне.

Умирает. Затихла. Цветы наших дивных долин,
Пусть прольется росой-слезами их запах и шелест,
Пусть синицы совьют свои гнезда на сдавленной шее,
Ты моя золотая с прожилками ночи Дивин.

Cathédrale à pas lents par mes landes venues
Sous un oeil ténébreux NOTRE-DAME DES FLEURS
De ma mort le cortège aux nocturnes couleurs
Parcourt le pied léger vos douces avenues.

Cette Afrique est de cuivre où la grâce est morose
Relevez dans ses flancs le regret des mineurs.
Ils travaillent les puits de ce bain d'amour
Où brise neige fleur sous leurs doigts ne se pose.

À son col pèsent lourd les chaînes du silence
Ce plongeur déchaîné noir du sel de vos mers.
La danseuse de givre est son héros de l'air.
Je parle, entre les dents le fer doré des lances.

Безмятежный собор шел навстречу обычном дню.
БОГОМАТЕРЬ ЦВЕТОВ с неприветливым, сумрачным взором.
За моим погребальным кортежем полночным узором
Шли ночные цветы по спокойным ночным авеню.

Это медная Африка, злой благодати глоток,
Хмурый рай малолеток, морской окропленный водою.
Они роют колодцы любви, разминая в ладони,
Как искрящийся снег, кокаиновый белый цветок.

Под цепями молчанья сгибаюсь, как каторжник, я.
Только спасся ныряльщик, сбежав из сети сквозь прореху.
Я с трудом говорю, языком ощущая помеху:
Золотой наконечник застрявшего в горле копья.

Le sang, le lait, les pleurs de cet ange étonné
Sur le marbre de lune et les plaines glacées
À notre mort propose une offrande amassée
Par la désolation de vos bras festonnés.

Qu'il soulève la dalle et les parfums de Dieu
Empesteront cet ange à genoux pour la garde et les
saintes femmes apporteront les huiles et le linge.

По мрамору луны и на полях внизу
В сиянии гирлянд и поросли зеленой
Чтоб нашу смерть почтить, нес ангел изумленный
Прощальные дары: кровь, молоко, слезу.

Пусть он поднимет плиту и ароматы Бога
Отравят зловонием этого ангела, стоящего на коленях
перед стражниками, и пусть
жены-мироносицы принесут елей и белье.

Roncevaux belle gorge où ton rêve situe
Durandal au fil d'or, Roland sonnante du cor
À nos larmes de honte ouvre une brèche encor
La gorge d'un berger d'aurore dévêtue.

La nuit rauque à vomir s'écorche à cette rive
Clichy de la Paresse et des mauvais sujets
Où sa bouche pincée la rencontre furtive
Oublie sa gorge blonde à d'autres bras de jais.

Ущелье Ронсеваль омыто сном и ветром,
Сжав Дюрандаль в руке, Роланд спешит туда.
И горловину гор сжимает спазм стыда,
Как горло пастуха, раздетого рассветом.

Эта хриплая ночь, вызывавшая рвотный позыв,
Наползала на берег, где тени томились в разлуке,
Где подонки, ублюдки, воры, обо все позабыв,
Вспоминают не белые груди, а черные руки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАНАТОХОДЕЦ

АБДУЛЛЕ

Золотая блестка — крошечная пластинка позолоченного металла с дырочкой посередине. Тонкая и легкая, она может плавать в воде. Порой одна или две прилипают к пряжкам акробата.

Эту любовь — почти безнадежную, но полную нежности — ты должен высказать своему канату, она будет такой же сильной, как и эта железная проволока, которая тебя держит. Мне знакомы предметы, их злоба, жестокость, а еще — их благодарность. Канат был мертв — или, если тебе так больше нравится, нем и слеп — но ты пришел: теперь он начнет жить и говорить.

Ты полюбишь его почти чувственной любовью. Каждое утро, прежде чем начать репетицию, подойди к нему, натянутому, напряженному, вибрирующему, и поцелуй. Попроси, чтобы он как следует держал тебя, чтобы колено твое обрело изящество и силу. А в конце поклонись, поблагодари его. Когда ночью он лежит, свернутый, в коробке, подойди к нему, приласкай. И осторожно прижмись своей щекой к его щеке.

Некоторые укротители прибегают к насилию. Ты можешь попытаться укротить свой канат. Но не обманывай себя. Канат, подобно

пантере, и, как некоторые утверждают, подобно народу, любит кровь. Лучше приручи его.

Один кузнец — только кузнец с седыми усами и широкими плечами может позволить себе такие нежности — каждое утро так приветствовал свою возлюбленную, свою наковальню:

— Ну что, красавица!

А вечером, на исходе дня, его толстая ручища ласкала ее. Наковальня отнюдь не оставалась к этому равнодушной, да и кузнец чувствовал волнение.

Придай своему стальному канату выразительности: и это будет не твоя, а его выразительность. Твои прыжки, скачки, твои танцевальные па — или, если говорить языком акробатов, твои: флик-флаки, курбеты, сальто-мортале, колеса, ты станешь исполнять не для того, чтобы блеснуть самому, а для того, чтобы стальной канат, мертвый и безголосый, наконец запел. И он будет тебе благодарен, если ты окажешься великолепен в своих аттитюдах, не для своей, но для его славы.

И взорвется аплодисментами восторженная публика:

— Какой удивительный канат! Как держит он своего плясуна и как он его любит!

Канат тебя отблагодарит, сделав самым лучшим канатоходцем.

А на твердой земле ты станешь спотыкаться.

Кто, прежде тебя, сумел понять, как тоскует душа стального семи-миллиметрового каната? И что сам он полагает, будто именно он сможет заставить канатоходца сделать в воздухе два переворота с фуэте? Никто, кроме тебя. Так узнай же его радость и благодарность.

Если ты идешь по земле, падаешь и подворачиваешь ногу, меня это не удивляет. Канат держит тебя лучше и надежнее, чем дорога.

Я небрежно открыл его бумажник и стал там рыться. Среди старых фотографий, квитанций об оплате, использованных автобусных билетов, я нахожу сложенный вдвое листок бумаги, на которой он начертил странные знаки: вдоль прямой линии, изображающей, без сомнения, канат, косые черточки, наклоненные вправо и влево — это его ноги, вернее, место, на которое он свои ноги поставит, шаги, которые он сделает. А напротив каждой черточки — цифра. Поскольку в искусство, где все выверялось лишь опытным — и весьма рискованным — путем, он старается привнести неукоснительную точность и четкий порядок, и значит, он победит.

Так какое мне дело; умеет ли он вообще читать? Он достаточно хорошо владеет цифрами, чтобы суметь вычислить ритм и темп. Умеющий великолепно считать Жоановичи был абсолютно неграмотным евреем — или цыганом. Как-то во время войны — какой? — не важно — он сколотил огромное состояние, продавая выброшенный на свалку железный лом.

...«смертельное одиночество»...

За стойкой в баре ты можешь шутить, можешь чокаться с кем хочешь, с кем попало. Но известит о своем приходе Ангел, и, чтобы принять его, ты должен быть один. Для нас Ангел это вечер, сошедший на ослепительную арену. Пусть, как это ни выглядит странным, твое одиночество окажется ярко освещено,

а темнота, состоящая из тысяч оценивающих тебя глаз, которые страшатся и ожидают твоего падения, не имеет никакого значения: ты будешь танцевать вне и внутри пустынного одиночества, с завязанными глазами, а если можешь, то и с зашитыми веками. Но ничто — и уж во всяком случае, никакие аплодисменты или смех — не помешают тебе выразить в танце свой образ. Ты артист — увы — ты не можешь отказаться от чудовищной бездны своих глаз. Танцующий Нарцисс? Но речь идет вовсе не о кокетстве, эгоизме или чрезмерном самолюбии. А что, если это была сама Смерть? Так танцуй же один. Бледный, без кровинки в лице, обеспоконный тем, чтобы понравиться или не понравиться собственному образу: выходит, твой образ станет танцевать вместо тебя.

Если твоя любовь, а еще ловкость и хитрость, достаточно велики, чтобы раскрыть тайные способности каната, если движения твои выверены до миллиметра, он поспешит на встречу с твоей ступней (обутой в кожу): танцевать будешь не ты, но канат. Но если танцевать неподвижно станет именно он, если подбрасывать вверх он станет твой образ, где же тогда будешь ты сам?

Смерть — Смерть, о которой я говорю, — не та, что последует за твоим падением, а та, что предшествует твоему появлению на канате. Ты умрешь прежде, чем вскарабкаешься на него. Тот, кто начнет танцевать, уже будет мертвецом — способным принимать любой, самый прекрасный, образ. Когда ты появишься, бледность — о нет, я говорю вовсе не о страхе, но о ее противоположности, о невероятном мужестве — бледность покроет твое лицо. Несмотря на все твои румяна и блески, ты будешь мертвенно-бледен, и так же бледна будет твоя душа. И вот тогда-то точность движений станет безукоризненной. Потом, поскольку уже ничто не будет

связывать тебя с землей, ты сможешь танцевать не падая. Только постарайся умереть, прежде чем появиться, и пусть на канате танцует мертвец.

А твоя рана, где она?

Я задаю себе вопрос, где находится, где коренится тайная рана, куда стремится спрятаться любой человек, если гордость его оказывается задета, если его ранят? Эта рана — которая становится совестью, — именно ее он станет беречь и растравлять. Каждый знает, как добраться до нее, чтобы самому стать этой раной, что-то вроде второго — тайного и болезненно ноющего — сердца.

Если мы быстрым и жадным взглядом окинем проходящих мимо мужчину или женщину — равно как и собаку, птицу или кастрюлю, — сама эта беглость взгляда откроет нам с совершенной определенностью, что это за рана, где смогут они укрыться в минуту опасности. Да что я такое говорю? Они уже там, достигшие через нее — и принявшие ее форму — и ради нее, одиночества: вот они все превращаются в поникшие плечи, вся их жизнь устремляется потоком в злую складку рта, против которой они ничего не могут, и ничего не хотят мочь, потому что именно через нее познают они полное, невыразимое одиночество — цитадель души — чтобы стать этим самым одиночеством. У моего канатоходца*

* Самые трогательные — те, кто целиком сворачиваются, превращаясь в какой-нибудь объект для насмешки: прическа, какие-то усы, кольца, туфли... Ненадолго вся их жизнь устремляется именно туда, и эта деталь начинает сиять; но внезапно гаснет: дело в том, что весь блеск и величие, что скапливались там, только что отхлынули, отступили в эту тайную область, принеся наконец одиночество.

оно видно по его печальному взгляду, в нем мелькают тени его детства, несчастного, незабываемого детства, в котором он чувствовал себя брошенным ребенком.

В эту рану — незаживающую, ведь она это он сам — и в это одиночество должен он устремиться, именно там сможет он отыскать силы, отвагу и ловкость, столь необходимые в его искусстве.

Я прошу у тебя немного внимания. Вот смотри: чтобы отдаться в руки Смерти, чтобы она облекла тебя плотно и аккуратно, ты должен обладать отменным здоровьем. Малейший недуг вернет тебя обратно в нашу жизнь. И будет разрушена эта глыба небытия, в которую ты превратишься. Сырость и плесень поглотят тебя. Следи за своим здоровьем.

Если я советую ему избегать роскоши в повседневной жизни, если я советую ему пореже мыться, носить ветхую одежду и стоптанные башмаки, так это только ради того, чтобы вечером, на арене, сильнее бросалась в глаза новизна, чтобы все дневные упования обострились по мере приближения праздника, чтобы от этого разрыва между мнимой нищетой и блистательным появлением возникло такое напряжение, что танец станет подобен разрядке или крику, потому что вся сущность Цирка сосредоточена в этой метаморфозе: превращении пыли в золотой песок, но главное, потому что тот, кто создает этот восхитительный образ, должен быть мертв, или, если хотите, должен влачиться по земле, как самая последняя, самая жалкая из земных тварей. Я пойду в своих советах еще дальше: ему надо захромать, натянуть на себя лохмотья, покрыться вшами, заво-

нять. Пусть все его существо уменьшится до ничтожно малой величины, чтобы заблистал, сияющий, как никогда, этот образ, о котором я говорю, в облачении смерти. Пусть он существует только в одной ипостаси: своем выходе на арену.

Само собой разумеется, я не хотел сказать, что акробат, который танцует в восьми или десяти метрах над землей, должен полагаться на Бога (на Деву Марию, если речь идет о канатоходцах), пусть он молится и осеняет себя крестом, перед выходом на арену, ведь в шапито обитает смерть. Я говорил с артистом, как с поэтом. Даже если бы он танцевал всего лишь в метре от пола, я бы наказал ему то же самое. Ведь речь идет, и ты это понял, о смертельном одиночестве, об этом безнадежном и отчаянном крае, где живет артист.

Должен, однако, добавить, что существует риск и физической, окончательной смерти. Такова уж драматургия Цирка. Ведь он, наряду с поэзией, войной, корридой, остался одной из последних жестоких игр. У опасности своя правда: она заставит твои мышцы добиться идеальной точности — ведь малейшая ошибка приведет к падению, а оно, в свою очередь, к увечью или смерти — и эта точность станет красотой твоего танца. Будем рассуждать так: какой-нибудь увалень делает на проволоке сальто, промахивается и погибает, публика не слишком удивлена, она ждала этого, и даже втайне надеялась. А ты должен уметь танцевать так красиво, делать движения такие чистые и отточенные, чтобы явиться во всем своем блеске и уникальности, так, когда ты будешь готовиться сделать сальто, публика станет волноваться и даже негодовать: как это, такое грациозное существо рискует смертью. Но ты блистательно исполнишь свой прыжок

и вернешься на проволоку, и тогда зрители станут рукоплескать, потому что твоя ловкость только что спасла от постыдной смерти такого замечательного танцора.

Если он грезит в одиночестве, если он грезит о себе самом, возможно, он представляет себя осененным славой, и конечно же сотню, тысячу раз он представлял себе картину своего будущего: он на проволоке, и этот вечер станет его триумфом. Он силится представить себя таким, каким хотел бы стать. А это и значит: стать таким, каким хотел бы стать, каким видит себя в мечтах. Конечно, от этого воображаемого образа до того, каким он будет на настоящей проволоке, так далеко. Но он именно это и пытается: хотя бы потом, позже, стать похожим на того себя, какого выдумывает сегодня. И это все, чтобы, вознесясь на стальной проволоке, остаться в воспоминаниях зрителей образом, подобным тому, что он выдумывает сегодня. Что за странный замысел: представлять себя в мечтах, превратить в реальность эту мечту, которая вновь станет мечтой, только уже в других головах!

Отвратительная смерть, отвратительное чудовище, которое тебя подстерегает, побеждены той Смертью, о которой я тебе говорил.

А что твой грим? Слишком яркий. Утрированный. Продлить стрелками глаза до самых висков. Раскрасить ногти. Какой нормальный, здравомыслящий человек станет ходить по проволоке или изъясняться стихами? С ума сойти. Мужчина или женщина? Уж точно монстр. Румяна не подчеркивают особенность

подобного занятия, а, напротив, словно смягчают: понятно, что именно такое, разряженное, раскрашенное, в блестках, какое-то подозрительное существо должно прогуливаться здесь без балансира, на проволоке, куда не вступит нога сантехника или нотариуса.

Итак, обильно нарумяненный, так, что при его появлении просто тошнит. При первом его появлении на проволоке понимаешь, что это чудовище с фиолетовыми веками может танцевать только здесь. И ты говоришь себе, именно благодаря своеобразной внешности он и оказался на этой проволоке, этот удлинённый глаз, накрашенные щеки, золоченые ногти заставляют его быть здесь, куда мы не пойдём — и слава Богу! — никогда.

Попытаюсь разъяснить получше.

Чтобы достичь этого полного одиночества, которое необходимо, чтобы создать свое творение — извлеченное из небытия, которое оно наполнит собой и сделает ощутимым — поэт может выставить себя в положении, которое вдруг окажется самым для него опасным. Он безжалостно отстраняет всякого любопытствующего, друга, любую просьбу, которые только попытаются сделать его творение чуть более мирским, земным. Если он хочет, то может сделать так: распространяет вокруг себя такой отвратительный, такой тошнотворный запах, что задыхается сам. От него все разбегаются. Он один. Из-за тяготеющего над собой проклятия он может позволить любую дерзость, ведь ни один взгляд его не тревожит. Вот он начинает выполнять элемент, который кажется прелюдией к смерти, к пустыне. Его слово не отзывается эхом. Если оно, это слово, должно произноситься, не адресуясь никому, не будучи понято никем из живущих, так это необходимость, вызванная не жизнью, но смертью, это ее приказ.

Одиночество, как я уже тебе сказал, возможно только лишь в присутствии публики, и значит, действуй по-другому, придумай что-нибудь еще. Только усилием воли ты должен будешь впустить в себя эту нечувствительность по отношению к миру. И пока будут накатывать ее волны — как холод, который поднимается сначала от ступней, потом добирается до колен, до бедер, до живота Сократа — холод бесчувствия стиснет твое сердце и заморозит его. — Нет, нет и еще раз нет, ты пришел не развлекать публику, а зачаровывать ее.

Сознайся, что она испытает забавное ощущение — сродни оцепенению или паническому страху, — если ей удастся своими глазами увидеть этим вечером идущий по проволоке труп!

... «Холод бесчувствия стиснет твое сердце и заморозит его»... но — и это самое таинственное — в то же время из тебя должна сочиться некая дымка, легкая и не затуманивающая твои очертания, чтобы мы знали: некий источник в сердцевине тебя не перестает питать ледяную смерть, пробравшуюся через твои ступни.

А что твой костюм? Пусть он будет целомудренным и вызывающим одновременно. Это обтягивающее цирковое трико из кроваво-красного трикотажа. Он подчеркивает твою мускулатуру, плотно облегает, обтягивает, как руку перчатка, а от ворота — открытого и круглого, с четким кроем, как будто для того, чтобы сегодня вечером палачу было удобнее отрубить тебе голову — от ворота до бедра что-то вроде перевязи, тоже красной, с развевающимися полотнищами, обшитыми по краям золотом. Красные туфли, перевязь, пояс, кромка воротника, ленты на коленях вышиты золотыми блестками. Конечно, это для того, чтобы ты сверкал, но главная цель — чтобы по пути от уборной до арены ты потерял в опилках несколько плохо пришитых блесток-золо-

тинок, хрупких символов Цирка. Днем, когда ты отправишься в бакалейную лавку, они будут падать с твоих волос. Одна из них с потом прилипнет на плече.

На рельефном бугорке трико, там, где прячутся твои яйца, будет вышит золотой дракон.

Я расскажу тебе про Камиллу Мейер — но сначала мне хотелось бы рассказать, кто был этот великолепный мексиканец, Кон Коллеано, и как он танцевал! — так вот, Камилла Мейер была немкой. Когда я увидел ее, ей было лет сорок. В Марселе она натянула свою проволоку в одном из дворигов Старого Порта, на высоте тридцати метров. Это было ночью. Проекторы высвечивали ее проволоку на тридцатиметровой высоте. Чтобы добраться туда, она шла по другой проволоке, натянутой наклонно от самой земли, длиной в двести метров. Дойдя до середины этого склона, чтобы отдохнуть, она становилась одним коленом на проволоку, уперев в бедра шест-балансир. Ее сын (было ему лет шестнадцать), который ждал ее на небольшой площадке, приносил на середину проволоки стул, и Камилла Мейер, пришедшая с другого конца, добиралась наконец до горизонтальной проволоки. Она брала стул, который стоял на проволоке лишь двумя ножками, и садилась на него. Одна. Потом она спускалась, тоже одна... А внизу, под ней все стояли с опущенными головами, закрыв лица руками. Так публика отказывала акробатке в элементарной учтивости: заставить себя не отводить глаз, когда она играет со смертью.

— А ты, — спросил он меня, — что делал ты?

— Я смотрел. Чтобы помочь ей, чтобы поприветствовать, ведь она подвела смерть к самому краю ночи, чтобы быть с ней в ее падении и смерти.

Если ты упадешь, то удостоишься самой что ни на есть банальной отходной: лужа золота и крови, пруд с заходящим солнцем... Тебе не следует ждать ничего другого. Цирк — это набор банальностей.

Когда будешь выходить на арену, не увлекайся яркими эффектами. Вот тыходишь: это каскад прыжков, сальто-мортале, пируэты, кульбиты, которые доносят тебя до подножья адской машины, и ты начинаешь карабкаться, танцуя. При первом же твоём прыжке — начатом ещё за кулисами — всем становится ясно, что дальше будет все лучше и лучше.

Теперь танцуй!

Стань пульсирующей плотью. Твое тело наполнится надменной силой налитого кровью вздыбленного члена. Вот почему я советую тебе: танцуй перед своим отражением, и ты влюбишься в него. Тебе не отвертеться — это танцует Нарцисс. Но этот танец всего лишь попытка твоего тела слиться с твоим образом-отражением, каким его видит зритель. Ты уже не только техническое и гармоническое совершенство: от тебя исходит тепло и согревает нас. Твой живот пылает. И все-таки танцуй не для нас, а для себя. Ведь мы пришли в Цирк смотреть не на шлюху, а на одинокого возлюбленного, преследующего собственное отражение, которое убегает и исчезает бесследно на железной проволоке. Исчезает в инфернальном краю. Именно это одиночество так чарует и околдовывает нас.

Один из любимых моментов, который с нетерпением ждет испанская толпа на арене амфитеатра, это тот, когда бык ударом рога распорет брюки тореадора: из дыры выступает кровь и член. Вот глупость наготы, которая и не пытается сначала явить, а потом превоз-

нести рану! Значит, канатоходцу придется носить трико, ведь он должен быть одет. Трико будет с иллюстрациями: вышитые солнца, звезды, ирисы, птицы... Трико, чтобы защитить акробата от суровых взглядов, и, наконец, для того, чтобы однажды несчастье стало возможным, трико поддастся и порвется.

Надо ли говорить об этом? Я соглашусь на то, чтобы канатоходец жил днем в обличье старой нищенки, беззубой, со спутанными космами седых волос: видя ее, все будут знать, какой атлет скрывается под этими лохмотьями, и восхищаться: какая дистанция между ночью и днем. Появиться вечером! А он, канатоходец, и сам не будет знать, кого он любит больше: эту вишивую бродяжку или сверкающего одиночку? А может, он любит этот постоянный переход из нее в него?

Зачем танцевать этим вечером? Прыгать, скакать при свете прожекторов на проволоке, на восьмиметровой высоте? А затем, что ты должен себя найти. Одновременно дичь и охотник, этим вечером ты сам объявляешь на себя гон, сам себя выгоняешь из леса, бежишь от себя и бежишь за собой. Где был ты перед тем, как выйти на арену? Потерявшийся в обычных, повседневных делах, ты просто не существовал. А в свете огней ты приказываешь себе существовать. Каждый вечер. Только для себя одного, ты карабкаешься на свою проволоку, извиваешься там, кривляешься, гримасничаешь, и все это в поисках гармоничного создания, заблудившегося и потерявшегося в дебрях повседневных жестов: завязать шнурки на ботинках, высморкаться, почесаться, купить мыла... Но у тебя получается приблизиться к себя и дотронуться до себя всего лишь на какое-то мгновение. И всегда в одиночестве: смертельном и белом.

Однако твоя проволока — давайте вернемся к ней — не забывает, что твоим изяществом ты обязан ей, ее достоинствам. Твоим собственным, конечно, тоже, но главное все-таки — это раскрыть и показать ее достоинства. Игра придется кстати и для тебя, и для нее: поиграй с ней. Пощекочи большим пальцем ноги, постучи пяткой. Не бойтесь проявлять друг к другу жестокость: она заставит вас сиять и искриться. Но только постарайся быть всегда изысканно вежливым.

Знай, над кем ты торжествуешь. Над нами, конечно, но... твой танец будет преисполнен ненависти.

Не бывает артиста, в судьбу которого не вместилось большое горе.

Ненависть к какому богу? И зачем одерживать над ним победу?

Я испытываю какую-то странную жажду, мне бы хотелось выпить, то есть страдать, то есть выпить, но чтобы опьянение пришло от страдания, ставшего праздником. Ты не смог бы стать несчастным через болезнь, голод, тюрьму, потому что тебя ни к чему нельзя принудить, значит, ты станешь несчастным через искусство. Не все ли нам равно — тебе и мне, — хороший ли ты акробат: ведь ты станешь этим вспыхнувшим чудом, а пылать будешь всего лишь несколько минут. Ты пылаешь. На своей проволоке ты молния. Или, если тебе так хочется больше, одинокий танцовщик. Танцевать тебя заставляет страдание, зажженное не знаю чем, освещающее тебя, пожирающее тебя. А публика? Она же не видит, что ты — пламя и, полагая, будто ты так играешь, не ведая, что ты огненная стихия, она рукоплещет огню.

Умирай от желания и заставляй умирать других. Этот жар, идущий от тебя, излучаемый тобой, твое желание, обращенное к тебе самому — или твоему образу — неутолимое желание.

Средневековые легенды повествуют о бродячих акробатах, которые дарили Деве Марии свои прыжки и пируэты, ведь ничего другого у них просто не было. Они танцевали на площади перед собором. Не знаю, к какому богу обратишь ты свое искусство, но бог тебе нужен. Такой, быть может, которого ты вызовешь к жизни лишь на час и лишь для своего танца. Перед выходом на арену ты был человеком из толпы и сутолоки кулис. Ничто не отличало тебя от других акробатов, жонглеров, воздушных гимнастов, наездников, рабочих арены, клоунов. — Ничто, кроме — уже! — этой грусти в твоём взгляде, только не прячь ее, иначе вся поэзия уберется к чертовой матери из твоего лица! — Бога еще нет ни для кого... ты поправляешь халат, чистишь зубы... Извечные, повторяющиеся движения...

Деньги? Звонкая монета? Зарабатывать надо. Пока не сдохнет, канатоходец должен их зашибать. Так или иначе, ему придется вносить беспорядок в свою жизнь, и вот тут-то деньги и понадобятся, это такая гниль, которая способна разьесть самую безмятежную душу. Много, много денег. Сумасшедшее бабло! Гнусное! И пусть себе копится в углу лачуги, главное, не дотрагивайся до него, а задницу подтирать можно и пальцем. С приближением ночи проснуться, оторваться от этой мерзости и вечером танцевать на проволоке.

Еще я ему сказал:

— Ты должен работать, чтобы стать знаменитым...

— Зачем?

— Затем, чтобы творить зло.

— Обязательно зарабатывать столько денег?

— Обязательно. Ты будешь танцевать на своей проволоке, чтобы тебя осыпал золотой дождь. Но поскольку ничего, кроме танца, тебя не интересует, днем ты будешь разлагаться и гнить.

Пусть он гниет так, чтобы зловоние разmozжило его, сокрушило, но пусть оно рассеется с первыми звуками вечернего рожка.

... Вот ты выходишь. Если ты будешь танцевать для публики, она почувствует это, и тогда ты пропал. Ты станешь одним из них. Ты уже не сможешь очаровывать ее, и она погрузится в топкую тягучую трясину себя, откуда тебе уже не удастся ее извлечь.

Ты выходишь, и ты один. Якобы один, потому что Бог здесь. Он приходит бог знает откуда, а может, ты сам принес его, выходя на арену, или его породило одиночество, впрочем, это одно и то же. Именно для него ты изгоняешь свой образ. Ты танцуешь. Лицо заперто на все створки. Движения точны, позы выверены. Повторить их невозможно, или ты умираешь на веки вечные. Танцуй, суровый и бледный и, если можешь, с закрытыми глазами.

О каком Боге я говорю тебе? Сейчас подумаю. Но никакой критики и суждения в последней инстанции не будет. Он видит твою игру. И тогда или он тебя принимает и ты блистаешь, или же он отворачивается от тебя. Если ты предпочел танцевать для него одного, ты оказываешься пленником своей членораздельной речи: упасть ты не можешь.

И выходит, Бог станет лишь совокупностью всех возможностей твоей воли, которая понадобится твоему телу на этой проволоке? Божественных возможностей!

На репетициях твое сальто-мортале иногда не будет получаться. Можешь думать, что твои прыжки — это норовистые звери, которых тебе надо приручить. Прыжок живет в тебе, неукротенный, необузданный — то есть несчастный. Постарайся очеловечить его.

... «красное трико, расшитое звездами». Мне хотелось бы, чтобы ты был одет в самый традиционный костюм, чтобы легче было затеряться в твоём образе, а если хочешь унести с собой проволоку, пусть вы оба в конце концов исчезнете — но ты ещё можешь на этой узкой дороге, выходящей ниоткуда и ведущей туда же — шесть метров её длины это и бесконечная линия, и клетка — дать очередное представление.

И как знать? Вдруг ты упадёшь с проволоки? Тебя унесут на носилках. Заиграет оркестр. На арену выпустят тигров или наездницу.

Как и в театре, в цирке представление начинается вечером, ближе к ночи, но можно дать его и среди бела дня.

Мы ходим в театр, чтобы проникнуть в прихожую, в преддверье этой недолговечной смерти, которая зовется сном. Ибо с наступлением вечера будет Праздник, самый главный, последний, что-то очень похожее на погребальный обряд. Когда поднимется занавес, мы вступим туда, где идут приготовления к inferнальным ритуалам. Все должно происходить именно вечером, чтобы он был настоящим (этот праздник), чтобы, пока он вершится, его не прервала бы ни одна суетная мысль, ни одна будничная надобность, ведь это может все испортить.

.....

*Но Цирк! Он требует полного, всеобъемлющего внимания.
А то, что там происходит, это не наш праздник.
Это игрища, требующие, чтобы все были все время
настороже.*

Публика — которая позволяет тебе существовать, без нее ты бы не обрел этого одиночества, о котором я тебе говорил, — публика это животное, которое в самом конце ты должен заколоть кинжалом. Твое совершенство и твоя дерзость — на время твоего появления — уничтожит ее.

Публика неучтивая: во время самых твоих опасных движений она закроет глаза. Она закрывает глаза именно тогда, когда, чтобы восхитить ее, ты рискуешь жизнью.

Это вынуждает меня сказать, что надо любить Цирк и презирать людской род. Исполинское животное, родом из доисторической эпохи, грузно наваливается на города: если в него проникнуть, оказывается, что монстр набит чудесной и жестокой машиной: наездницы, клоуны, львы со своими укротителями, фокусник, жонглер, немецкие воздушные гимнасты, говорящая лошадь и, самое главное, ты.

Вы остатки легендарных времен. Вы пришли издалека. Ваши предки ели толченое стекло, огонь, они заклинали змей, голубей, жонглировали яйцами и заставляли разговаривать лошадей.

Вы не подходите нашему миру с его логикой. Значит, вам надо принять это страдание: жить ночью иллюзией своих смертельных кульбитов. Днем вы боязливо стоите у дверей цирка — не решаясь войти в нашу жизнь, — слишком крепко вас держит власть цирка, ведь это власть смерти. Никогда не покидайте этого гигантского чрева шатра.

Снаружи нестройный шум, это хаос; внутри — уверенность, уходящая корнями в тысячелетия, ощущение безопасности, оттого, что ты часть завода, в цехах которого производятся понятные игры, которые нужны, чтобы подготовить ваш торжественный выход, чтобы подготовить Праздник. Вы живете только ради Праздника. Не для того, который за деньги могут позволить себе отцы и мамы семейства. Я говорю о вашей минутной славе. Смутно, еще в утробе чудовища, вы догадались, что каждый из нас должен стремиться именно к этому: явиться самому себе в апофеозе. И спектакль, продолжающийся в тебе самом несколько минут, преображает тебя. Показавшийся на мгновение провал твоей могилы нас озаряет. Ты сам заключен в нее, а твой образ пытается вырваться оттуда. Лучше всего, если бы вы смогли обосноваться там, одновременно и на арене, и на небе, в виде созвездия. Но эта привилегия даруется немногим героям.

Но десять секунд — разве это мало? — вы все-таки сияете.

Не отчаивайся, если во время репетиции мастерство вдруг изменит тебе. Сначала ты демонстрируешь просто чудеса ловкости, но затем проволока, прыжки, Цирк и танец станут приводить тебя в отчаяние.

У тебя начнется злосчастный период — что-то вроде Ада, — и, только пройдя сквозь непроглядную чащу, ты возникнешь вновь, мастер своего дела.

Это одна из самых волнующих тайн: после периода блеска и славы к любому артисту приходит испытание отчаянием, когда страшно потерять разум и мастерство. Если выйти победителем...

Твои прыжки — не бойся сравнивать их со стадом животных. В тебе они жили в первозданном, диком состоянии. Неуверенные

в себе, они рвали, они терзали, калечили друг друга или спаривались как придется. Паси же свое стадо прыжков, кувырков и кульбитов. Пусть каждый живет в согласии со всеми. Займись, если хочешь, их спариванием, но тщательно, аккуратно, не наобум. И вот ты пастух стада животных, которые до сих пор были необученными и неприрученными. Твои прыжки, кувырки, кульбиты жили в тебе и ничего не осознавали, теперь благодаря твоим чарам они знают, кто они такие, они знают, что, прославляя тебя, они становятся тобой.

Какие же неловкие, нелепые советы даю я тебе. Следовать им все равно никто не станет. Но я хотел только одного: написать об этом искусстве поэму, и пусть ее жар прихлынет к твоим щекам. Ведь мне нужно было вдохновить тебя, а не просветить.

«НОЧЬ ВОРА В ГОРСТИ СТИХОТВОРЕНЬЯ...»

Гений — это не дар, а путь, избираемый
в отчаянных обстоятельствах.

Ж.-П. Сартр.

«Святой Жене, комедиант и мученик»

Святость — жить согласно Небу, вопреки
Богу.

Ж. Жене.

«Чудо о розе»

Пытаться воссоздать факты реальной жизни Жана Жене, ориентируясь на его произведения, — занятие совершенно бессмысленное. При всем обилии деталей, подробностей, точных, до скрупулезности описаний, он пишет не о себе, вернее, не совсем о себе. И главные легенды его жизни оказываются именно легендами. Чего стоит хотя бы эта история с фамилией, которую он поведал при первой встрече Жану Кокто и Жану Маре: будто бы его фамилия произошла от места, где нашли его, подкидыша: поле, заросшее дроком («genêt» — фр.: «дрок»). Разумеется, к реальности эта история не имеет никакого отношения. Видимо, сочинять легенды о себе — это неискоренимая привычка детства, о которой Жене повествует нам в романе «Чудо о Розе»: когда никому не нужные, брошенные

родителями, отвергнутые обществом дети сочиняли про свою жизнь фантастические истории, в которых каждый был королевским отпрыском, по нелепой случайности потерянным любящими родителями; они жили идеями о своем королевском происхождении, воображая себя наследниками престола или принцами крови, каждый сочинял и проживал некую воображаемую жизнь, создавая себе судьбу-фантом. Жан Жене — не исключение. Одной из главных его легенд, главных мифов его жизни стала «дружба» с Мори-сом Пилоржем, которому посвящено практически все творчество Жене, его стихи и романы, героем которых он является. Как сказал один из исследователей творчества писателя, «Жене — это литературный вампир, который всю свою жизнь питался образом Пилоржа». Пожалуй, так оно и есть. Когда он в послесловии к поэме «Смертник» (тоже посвященной памяти «моего друга» Пилоржа), пишет, что «знал и любил его» и каждое утро, «заручившись поддержкой одного надзирателя», приходил в его камеру — это все выдумка от начала и до конца. Дело в том, что Жене никогда не был знаком с Пилоржем, приговоренным к смертной казни за убийство любовника. Однажды он увидел его фотографию в газете, в разделе уголовной хроники (эта фотография воспроизводилась потом довольно часто в книгах самого Жене и изданиях, посвященных ему: девятнадцатилетний Пилорж выходит из ворот тюрьмы в сопровождении двух охранников) — и влюбился смертельно, на всю жизнь. Влюбился в его лицо, его образ, историю его жизни, его трагическую судьбу. Это к нему он обращается: «мой Бог, мой Иисус». Это о нем: «Когда придет конец,/ И голова моя с твоей на плаху ляжет,/ Пускай она потом подкатится поближе/ К тебе, твоим плечам, мой ангел, мой птенец».

Выдумкой является и мир, в котором разворачивается действие его романов и стихов: с одной стороны, он предельно, до мельчайших черточек, реалистичен, и все происходит в хорошо знакомых

реалиях тюрьмы, ее быта, ее установленных раз и навсегда ритуалов, ее иерархии (кстати сказать, Жене никогда не сидел в тюрьме Фонтевро, с такой точностью, с такими деталями — вплоть до выбоинок на лестничных ступенях — описанной в романе «Чудо о розе»), но он с невероятной легкостью трансформируется в другой, фантастический мир, камера вдруг превращается в лесную чащу, по которой петляет лань, или в морской берег, или в арену цирка. То, как Жене описывает жизнь заключенных, с утренней побудкой, умыванием, завтраком, работой в мастерских, подробным описанием того, как заключенные вечером разворачивают, а утром сворачивают свои подвесные гамаки — реально и зримо, но так же точно реально и зримо на наших глазах превращаются в гирлянду роз кандалы идущего по коридору узника. Но самое главное — он выстраивает свою собственную вселенную, особое устройство мира, и дело не в том, что в нем все перевернуто с ног на голову, и низкое оказывается наверху. Он облагораживает это «низкое».

Жан Жене родился в Париже 19 декабря 1910 года от неизвестного отца. Брошенный матерью, он оказывается сначала в приюте, затем в крестьянской семье, взявшей его на воспитание. В возрасте десяти лет обкрадывает своих приемных родителей и оказывается в колонии Меттре, которой посвятил десятки пронзительных страниц романа «Чудо о розе». В начале 30-х вербуются в Иностранный легион, дезертирует, путешествует, начинает свои скитания по тюрьмам. Как писал о нем Ж.Батай: «Брошенному своей матерью, воспитанному в приюте Жану Жене было тем более трудно адаптироваться в нравственном обществе, что он был умственно одарен». Он начинал сочинять стихи в тюремной камере, впервые опубликовав их в тюрьме Френ, где пишет свою первую и самую знаменитую поэму «Смертник» («Condamné à mort»). Тогда же Жан Кокто

отметит в своем дневнике: «Для меня эти стихи — единственное крупное событие нашего времени». Безусловно, все творчество Жана Жене можно назвать «поэтическим», но собственно стихов он написал не так много, и все они относятся к раннему периоду его творчества, между 1942 и 1947 годами. Поражает его версификация: практически всегда это классический александрийский стих с точной рифмовкой. Откуда это у него? Робкая подражательность неопита или, напротив, дерзкий вызов: как можно было писать так в середине XX века, после Аполлинера и сюрреалистов, после поэтических экспериментов начала века? В литературное пространство врывается мир проклятый, отверженный, обреченный и в то же время преисполненный тревожной притягательности, бунтарского, мятежного обаяния. Как воспроизвести эту двойственность: между мрачным, трагическим, порочным миром, шокирующей эстетикой смерти — с одной стороны, и поразительной гармонией его стихов. Как писал Жан Кокто: «Эротизм у Жене никогда не шокирует. Его похабщина не похабна. Поэтическая экспрессия искупает все. Стиль совершенен».

Неоднократно подмечено, что во Франции многие тюрьмы и колонии размещаются в бывших аббатствах и монастырях, отсюда этот дух святости, столь остро ощущаемый Жене. Толстые, грубые стены, призванные спрятать, скрыть Зло, на деле защищают Добро. Впрочем, в мироустройстве Жене Добро-Зло, вернее, даже Красота-Зло — это «мнимая антитеза». Об этом говорит и Сартр, автор известной работы «Святой Жене»: «Выбор высшего Зла в действительности связан с выбором высшего Добра: одно с другим объединены непримиримостью — каждое со своей стороны».

Разумеется, говоря о поэзии Жене, невозможно не затронуть тему гомосексуализма, с этим миром он познакомился очень рано, еще в колонии Меттре, где ежедневный ад существования вынуж-

дал (просто чтобы выжить в аду!) искать любовь, искать друзей и покровителей, это был, по признанию самого Жене, единственный способ не поддаться отчаянию. Неоднократно замечалось, что для него это явление не физиологическое, не культурное, не социальное, и не юридическое, а метафизическое. Это не человек бросает вызов обществу, а Небо — человеку. А тот отвечает бунтом. Или, как в случае с Жене, ему гораздо важнее не показать низкое — высоким, а освятить это низкое. «Во всей этой истории мне хочется отыскать именно святость», — напишет он в романе «Чудо о розе». Это «освящение низости» — и есть основная тема его стихов. Поражает невероятная деликатность, с которой он описывает то, что обычно принято замалчивать. А еще эта постоянная, головокружительная смена регистров: интонационных, лексических, эмоциональных: чистый романтизм соседствует с приземленностью, священное с богохульством, пошлость с нежностью, грубые слова с нежнейшими признаниями в любви. Он сталкивает несочетаемую лексику: «Я от тоски загнусь...» Или: «И я лишусь рассудка/ От счастья обнимать последнего ублюдка,/ Какого только бог мог сотворить в бреду». Впрочем, даже «богов» у него два: один с большой, другой с маленькой буквы. Причем, главный (здесь тоже, как и в воровском мире — иерархия) — тот, к кому он обращается напрямую: «А ниже этажом мой Бог, мой Иисус/ Не спит...»

Любовь у Жене живое существо. «Любовь, приди ко мне, ты проскользни по-лисьи,/ Минуя коридор и лестничный пролет,/ Изящней, чем пастух, и легче, чем полет/ Подхваченных огнем осенних желтых листьев./ Сквозь стены проберись, охрану разбуди,/ Взметнись по проводам, спустись по водостоку,/ Молись и матерись, отдайся злу и року,/ Хотя б за полчаса до смерти, но приди». И она приходит, причем в разных обликах: любимые образы-персонификации — это пастух, рыбак, юнга, лань, повер-

женная королева. Она освящает их жизнь и быт, она прекрасна даже в своих уродливых проявлениях, она оправдывает самые страшные злодеяния. Впрочем, поскольку в мире Жене все перевернуто, здесь не бывает злодеяний в общепринятом, обычном значении. И как к вершителям высшего зла, высшей несправедливости обращается Жене к судьям: «Зачем же, трибунал, ты отдашь на плаху/ Убийцу, красотой затмившего рассвет?» Вообще, если здесь и существует божество, которому поклоняются все, то это Красота. Она искупает все грехи и является прощением за все причиненное миру зло. «Погубленные мной! Придите же за мной!/ Измученный Давид, я жизнь тесал, как камень./ Но красота, Господь, я ей служил — руками,/ Плечами, животом и клеткою грудной». Причем представления о красоте — тоже весьма своеобразны: почему вдруг на стене камеры, среди рисунков и надписей, привычных для тюремного быта, непристойных, отчаянных, вдруг появляется совершенно неуместное в здешнем контексте «слово Андоворанто, пронзившее до костей?». Почему именно Андоворанто? Откуда «занесло» на эти серые тюремные стены название далекого мадагаскарского города? При всем том, что тема путешествий, особенно морских путешествий, чрезвычайно важна для Жене, ему нужен был именно этот (хотя мало ли экзотических городов на свете?) просто как яркое фонетическое пятно — и ничего больше. В этом тоже — Красота. Здесь, в этом мире, не вызывающем восхищения, лишенном гармонии, у любви не может быть счастливого конца. В этом ее проклятие, но в этом и ее красота. За нее приходится бороться, сражаясь против всего мира: общепринятых норм морали, трагических обстоятельств существования, когда каждый день — последний, со вставшими на пути охранниками («На бархатных ногах охранник, как гиена,/ Подкрадется в ночи, нам преграждая путь...»), с другими заключенными... Тем неистовее, тем пронзительнее и отчаяннее

чувствуется, проживается эта любовь, тем сильнее ею дорожат, тем мучительнее ощущается ее потеря, потому что никто не знает, сколько она еще может продлиться: «А утром разбудить придет охранник хмурый». И все закончится.

Именно поэтому наряду с темой любви важнейшей темой у Жене будет тема смерти. Ведь здесь смертники — все. О смерти говорят едва ли не больше, чем о чем-либо другом. Страх, который герои чувствуют перед ней, — это страх иного свойства, не тот, какой ощущает любой человек, представив себе вечность, а тот, который охватывает невольного очевидца магического действия. У смертей свой реестр, самая почетная из них — конечно, смерть на эшафоте, «которая осеняет избранного ею бенефицианта славой более сумрачной и нежной, чем бархат танцующего, легкого пламени высоких погребальных костров» («Чудо о розе»). Заключение, приговоренные к смерти, становились существами высшего порядка, своего рода божествами, им поклонялись, перед ними испытывали священный ужас. Да и смерть здесь — обычная реальность наряду с прочими, привычная для этого мира, для этого быта. «Расставивши капканы и препоны,/ Прекрасная с небес взирает Смерть:/ Ей с высоты невидимого трона/ Так сладко на агонию смотреть». «Прекрасная Смерть», «Нежная Смерть» — только так, а не иначе. А еще была Французская Гвиана, куда издавна отправляли каторжников на вечное поселение, и ее столица Кайенна, к которой были притянуты мысли и взоры заключенных: «А где-то, говорят, есть жаркая Гвиана./ Будь проклята она! Благословенна будь!» Она вызывала чувство священного ужаса и в то же время была своего рода «землей обетованной», человек, туда отправлявшийся, тоже был, в сущности, смертником, он, фактически вычеркнутый из мира живых, должен был проделать долгий, мучительный путь по океану из одного ада в другой. Даже не по океану, а по «бесконечной Лете», как писал Жене в том же

«Смертнике»... Поэтому в стихах Жене тема воды: будь это океан, море, ручей — всегда тема перехода из одного состояния в другое («Я истекаю, став трясинною, болотцем...»). Это переход из мира живых в мир мертвых (из Франции в Гвиану), из мира детства и наивной морской романтики — через жестокий обряд инициации, которому подвергается юнга, — в мир суровых моряков. Герой почти постоянно куда-то плывет: на корабле, на галере, плывет, просто бросившись в море с берега, пытаюсь достичь горизонта, зная, что в конце его ожидает смерть: «Я кубарем качусь с волной вперегонки,/ Раскрытым ртом ловлю меж ураганов продых./ Но буду плыть вперед, и горизонта провод/ Мне шею захлестнет, ломая позвонки».

Невероятно большое значение имеет в этих стихах тема ночи, сна, которые представляются спасением, счастьем, возможностью хотя бы на время сбежать из ада реальной жизни. «Ночь», «сон» — это не только явления или время суток, это живые существа, которые живут собственной жизнью, например, спят: «Ночь вора в горсти стихотворенья/ Спит под небосводом пятерни», или «Вечер уснул на кровати...». Поэт относится к ним с большой нежностью, бережет, жалеет, боится потревожить. Зато пробуждение, то есть рассвет, — это всегда разочарование, возвращение страхов. Кроме того, ведь известно, что именно утром приходят тюремщики сообщить, что сегодня заключенного должны казнить. Любой приговоренный к смерти знает это и, просыпаясь, сразу осознает, и для него каждое утро — канун смерти. Поэтому «петух» (кстати, слово, которое во французском языке не имеет дополнительного значения: «опущенный») — это птица зловещая, именно потому, что возвещает наступление зари, утра и всех связанных с ними страхов. Но при этом на периферии русскоязычного сознания это второе значение все равно будет присутствовать, от этого никуда не деться, возможно, это даже неплохо, потому что хоть в какой-то

мере компенсирует некоторые другие вещи, которые при переводе передать не удалось. Великий русский язык необыкновенно беден эротической лексикой.

Мир, который открывается читателю стихов Жене, — мир жестокий и мучительный, шокирующий и травмирующий, но таково условие игры. Как сказал испанский писатель Хуан Гойтисоло: «Близко познакомиться с Жене — это само по себе приключение, из которого никто не сможет выйти без ущерба для себя».

Алла Смирнова

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)
К54

ISBN 978-5-7516-1095-1

© Éditions Gallimard, 1951 Le condamné à mort

© Éditions Gallimard, 1979 Le funambule

© «Текст», издание на русском и французском языках, 2014

Жан Жене
СТИХОТВОРЕНИЯ

JEAN GENET
POÉSIES

Художник *А.П. Иващенко*

В оформлении использована картина Балтуса

Редактор *Н.О. Хотинская*
Технический редактор *В.Ф. Нефедова*
Корректор *Т.В. Калинина*

Жене Ж.

К54 Стихотворения / Жан Жене; пер. с фр. и послесл. А.Смирновой. — На фр. и русск. яз. — Москва: Текст, 2014. — 189[3] с.

ISBN 978-5-7516-1095-1

Хотя все творчество Жана Жене можно назвать «поэтическим», он сочинил совсем немного стихов, все они относятся к раннему периоду его творчества и написаны в довольно короткий период между 1942 и 1947 годами.

Главная особенность поэзии Жене — это противоречие между классическим стихом (традиционный александрийский стих), которым Жене владеет виртуозно, и тем проклятым, обреченным, трагическим миром, проникающим в поэтическое пространство. Необыкновенно сложная задача — передать эту двойственность: мрачная, порочная реальность, шокирующая эстетизация смерти и чарующая гармония его стихов. Задача переводчика, с одной стороны, не «смаковать» все эти пороки и язвы, а с другой — ничего не смягчать и не сглаживать острые углы.

**УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)**

Подписано в печать 15.11.13. Формат 70х108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 8,4. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Изд. № 1043.

Тираж 2000 экз. Заказ № 1149.

Издательство «Текст»

127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7

Тел./факс: (499) 150-04-82

E-mail: text@textpubl.ru <http://www.textpubl.ru>

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТЕКСТ»